

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-369-402>

Научная статья

Почему глава государства был вынужден обратиться к оппонентам напрямую?

В.В. Еремян¹ , Э.В. Еремян²

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Некоммерческая организация «Фонд современной истории»,

г. Москва, Российская Федерация

 v.v.eremyan@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена процессам, обусловленным системно-институциональным кризисом англосаксонской модели политического режима, поразившим различные области общественных отношений, отчетливо наблюдаемым в странах «коллективного Запада», в течение продолжительного исторического периода олицетворявшим государственность буржуазно-либерального типа, функционирующей на основе соответствующих принципов, ценностей и процедур, и позиционирующей себя в качестве оплота демократии и примера для подражания. На основе критического сравнительно-правового анализа делается вывод, что многие проблемы, с которыми столкнулось современное постмодернистское общество, регресс и деградация которого видна уже невооруженным глазом, уходят своими корнями непосредственно в эпоху становления и развития тех отношений, с которыми традиционно ассоциируется конституционно-правовой статус человека и гражданина вне зависимости от пола, цвета кожи или этнической принадлежности. С учетом обстоятельств подобного рода рассматриваются специфика и особенности того, как были в свое время решены расовый и женский «вопрос», дискриминационная сущность которых не вызывает никаких сомнений, тем не менее их рецидивы проявились в контексте новых стереотипов и правил поведения, актуализированных апологетами толерантности и мультикультурализма, приобретающих в Европейском союзе и Соединенных Штатах тоталитарный характер и свойства. Исследуя тенденции последних лет, особо подчеркивается, что во многих государствах, именуемых демократическими, правящими элитами инициирован процесс, связанный с политизацией, фальсификацией и извращением национальной и общемировой истории, в первую очередь направленный на трансформацию коллективного и индивидуального сознания поколений, прямо или косвенно не ощутивших негативных последствий войны, и воспринимающих в качестве подлинного и объективного взгляда на вещи информационные мифологемы. Как следствие, ревизии подвергаются события, факты и источники, ранее не вызывавшие каких-либо сомнений у академического сообщества и широких слоев населения. Давно введенные в политическую и разговорную лексику дефиниции «либерализм» и «демократия» утратили первоначальное значение и коннотацию, исходя из чего делается вывод о необходимости формирования принципиально иного, чем прежде, научно-теоретического фундамента, так как существующие определения и термины уже не отвечают реалиям и требованиям дня.

Ключевые слова: ценности, процедуры, демократия, либерализм, дискриминация, сегрегация, права и свободы, народовластие

© Еремян В.В., Еремян Э.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: *Еремян В.В.* — концепция исследования, анализ полученных данных, написание текста; *Еремян Э.В.* — концепция исследования, сбор и обработка материалов, написание текста.

Дата поступления в редакцию: 26 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2022 г.

Для цитирования:

Еремян В.В., Еремян Э.В. Почему глава государства был вынужден обратиться к оппонентам напрямую? // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 369—402. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-369-402>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-369-402>

Research Article

Why was the head of state forced to address his opponents directly?

Vitaliy V. Eremyan¹, Eduard V. Eremyan²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Non-profit organization «Contemporary History Fund», Moscow, Russian Federation

 v.v.eremyan@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the processes caused by the systemic and institutional crisis of the Anglo-Saxon model of the political regime, which affected various areas of public relations clearly observed in the countries of the “collective West” and for a long historical period personified the statehood of the bourgeois-liberal type, functioning on the basis of relevant principles, values and procedures, and positioning itself as a stronghold of democracy to be followed. Based on a critical comparative legal analysis, it is concluded that many of the problems faced by postmodern society whose regression and degradation is already visible to the naked eye, stem directly from the era of formation and development of those relations which are traditionally associated, regardless of gender, skin color or ethnicity, with the constitutional and legal status of a person and citizen. Taking into account the circumstances of this kind, the authors consider the specifics and peculiarities of how the racial and female “issue” were resolved at the time, the discriminatory nature of which does not cause any doubt. Nevertheless, their relapses have manifested themselves in the context of new stereotypes and rules of behavior, actualized by apologists of tolerance and multiculturalism, obtaining a totalitarian nature in the European Union and the United States. Exploring the trends of recent years, the article emphasizes that in many states, called democratic, ruling elites initiated a process associated with politicization, falsification and perversion of national and global history. The process is primarily aimed at transforming the collective and individual consciousness of generations that directly or indirectly did not feel the negative effects of the war, and perceived information mythologems as genuine and an objective view of things. As a result, events, facts and sources that previously did not cause any doubts among the academic community and the general public are being reviewed. The definitions of “liberalism” and “democracy”, introduced into political and colloquial vocabulary long ago, have lost their original meaning and connotation. Based on that the authors conclude that it is necessary to form a fundamentally different scientific and theoretical foundation than before, since the existing definitions and terms no longer meet the realities and requirements of today.

Key words: values, procedures, democracy, liberalism, discrimination, segregation, rights and freedoms, power of the people

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The participation of the authors: *Eremyan V.V.* — research concept, analysis of the data obtained, text writing; *Eremyan E.V.* — research concept, collection and processing materials, text writing.

Article received 26th February 2022

Article accepted 15th April 2022

For citation:

Eremyan, V.V., Eremyan, E.V. (2022) Why was the head of state forced to address his opponents directly? *RUDN Journal of Law*. 26 (2), 369—402. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-369-402>

Введение

Когда встает вопрос (по существу, уже давно ставший риторическим) о системно-институциональном кризисе, поразившем в последние десятилетия государства так называемого «коллективного Запада» (при этом следует иметь в виду тот факт, что терминология подобного рода, введенная в околонаучный и публицистический оборот, обладает чисто политологической окраской и не носит юридического подтекста) и как ржавчина разъедающего основы всего того, что считалось когда-то «примером для подражания» со стороны стран, в свое время освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного цивилизационного развития, как бы за скобки выводится то обстоятельство, что его — прямое или косвенное — воздействие ощутили на себе не только общественное устройство, форма правления, политический режим и основные права и свободы человека и гражданина, но и большинство научных отраслей, среди которых существенным, нередко радикальным деформациям подверглись гуманитарные дисциплины, в частности, история государства¹ и права. На наш взгляд, парадокс, который все чаще «бросается в глаза», состоит в том, что несмотря на то, что полки книжных магазинов буквально завалены печатной продукцией на любой вкус (с точки зрения содержания, персоналий и фактологии), становится все сложнее найти монографическое исследование, достойное внимания, уровень которого отвечал бы необходимым критериям и требованиям в парадигме их актуальности и научной новизны². Сложившаяся ситуация нередко усугубляется с учетом той закономерности, что наблюдается не только *снижение качества работ*, но и уровень профессионализма авторов, в

¹ Безусловно, проблема кризиса, переживаемого гуманитарными дисциплинами, носит системный характер, в основе которого лежит не только отказ от постулатов «единственно верного учения», но и ряд других коллизий, в связи с чем наметилась тенденция «возвращения» читателю дореволюционного наследия в виде работ тех авторов, кто, в силу идеологических причин, крайне редко публиковался и был мало известен.

² Справедливости ради необходимо отметить, что было бы несправедливым не сказать о том, что о «закате» гуманитарных наук говорить пока преждевременно, о чем наглядно свидетельствуют отдельные работы как корифеев отечественной научной общественной мысли, так и их современных последователей. В качестве наглядного примера можно, в частности, привести: *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2021.

первую очередь тех из них, кто, будучи школьником, так либо иначе «попал под обаяние» средств и методов пресловутого Болонского процесса (невзирая на победы в различных международных олимпиадах, что является, вероятнее всего, исключением из правил, вместе с тем свидетельствуя о сохранении или преемственности с «отправленной в архив» советской моделью подготовки учащихся и их преподавателей) и реформы системы высшего образования. К этому следует добавить тот очевидный факт, что «переписывание истории» в большей либо меньшей степени *наблюдается повсеместно*, начиная с бывших советских республик (прежде всего тех из них, государственность которых в итоге насчитывает всего лишь несколько десятков лет) и заканчивая странами, до недавних пор считавшимися «оплотом демократии»³.

Беспрецедентным образом государство, победившее во Второй мировой (Великой отечественной) войне и потерявшее убитыми, умершими от голода, болезней и каторжного труда, задушенными в газовых камерах и сожженными в печах крематориев более 27 миллионов граждан («игнорируя» информацию, подтвержденную официальными документами, что только при освобождении Польши «тоталитарный» Советский Союз потерял шестьсот тысяч человек, а «оплот демократии» Великобритания, ее колонии и доминионы суммарно с Соединенными Штатами за весь период утратили менее миллиона), лишают этого права и решением наднационального парламента (депутатами которого являются потомки «лесных братьев» и подобного рода «борцов» за свободу и независимость) объявляют страной, совместно с национал-социалистической Германией и «стоявшим за ней» международным финансово-олигархическим капиталом, развязавшей войну, а затем — создавшей «Варшавский блок» и на несколько десятилетий поработившей народы Восточной Европы (правда, при этом почему-то забывая о том, кто был *инициатором* пресловутого «железного занавеса» и кто в итоге «приютил» на своей территории людей, у которых руки были по локоть в крови, но по каким-то причинам избежавшим наказания).

Тот факт, что глава государства, не имея специального образования и не являясь профессиональным историком, был вынужден в одной из публикаций акцентировать внимание читающей аудитории на тенденциях, обусловленных процессом *фальсификации* итогов Второй мировой войны, свидетельствует о многом, в том числе о нежелании бывших пособников Третьего рейха, к числу которых (достаточно посмотреть, войска каких стран воевали на территории Советского Союза, производили стрелковое вооружение и технику для нужд Вермахта или снабжали нефтью, углем и другими полезными ископаемыми) в той либо иной степени можно отнести большинство государств Европейского союза (даже нейтральную Швейцарию, в банках которой до сих пор хранятся золотые и платиновые слитки, выплавленные из зубных коронок сотен тысяч мужчин и женщин, замученных в лагерях смерти), считать себя «проигравшей стороной» (Shirer, 2017), не имеющей по существу *никаких оснований осуждать* кого-либо,

³ Как правило, все это делается для того, чтобы нивелировать роль России и русской цивилизации в истории, несмотря ни на какие «издержки» со стороны «коллективного Запада», так и не сумевшего понять того факта, что мы и они — *совершенно разные*, в том числе с мировоззренческой и ментальной точки зрения.

и *приписывать исключительно себе* чужие заслуги, к которым они не имеют никакого отношения. Тем не менее парламент Европейского союза принимает резолюцию, где, в угоду меркантильным интересам, не только переписывается история, но и «формально-юридически» ставится знак безусловного равенства между двумя *диаметрально противоположными* тоталитарными режимами — «национал-социализмом», осужденным в Нюрнберге, и «сталинизмом». И все лишь для того, чтобы, обелив себя, очернить нас. В этой связи прежде всего удивляет то, как «беззубо» и «индифферентно», в частности с правовой точки зрения, на «документ» отреагировало «академическое сообщество», поэтому, видимо, *глава государства и взял эту роль на себя*, с фактами в руках показав так называемым «оппонентам» (особенно в лице государств, ранее входивших в состав Советского Союза и «социалистический лагерь»), у кого из них «рыло в пушку» и кто все-таки имеет право рассматривать себя победителем: те, кто ассоциируется с «лесными братьями» и бандеровцами, или советский солдат, водрузивший над Рейхстагом красное знамя победы.

В контексте «переписывания истории» еще более *парадоксальной* и во многом *абсурдной* воспринимается своего рода «болезнь роста», в масштабах которой с различной степенью интенсивности идет процесс «придумывания» (другими словами, «высасывания из пальца») никогда, если придерживаться в целом тех письменных источников, которые давно введены в научный оборот, не имевших места событий, государств, племен и этносов. Как и в ситуации с искажением и откровенной фальсификацией итогов Второй мировой войны, в основе *последовательной и целенаправленной* деятельности «подмастерьев от науки» лежит отчетливо выраженный (причем совершенно не скрываемый, более того, популяризируемый всеми доступными легитимными способами) шовинизм и русофобия, которая взята на вооружение, придя как бы «на смену» антисемитизму первой половины XX в. Отрицание «русскости» в истории государства и права соответствующего народа, игнорирование информации в летописной и апокрифической литературе, утрирование всех тех источников, в которых хотя бы косвенным образом упоминается о «русских» в контексте становления и развития общественных и публичных институтов, приобретает характер не только востребованности со стороны управленческой бюрократии и правящих элит, но и «необходимости», так как отвлекает внимание широких слоев населения от более насущных проблем. Национализм трансформируется в нацизм, одной из крайних форм которого становится *русофобия*, при этом, в силу тех либо иных обстоятельств, наиболее оголтелыми шовинистами, как ни странно, позиционируют себя этнические русские, отказываясь от родного для них языка (с возможным переходом алфавита от «кириллицы» к «латинице»), стереотипов поведения и элементов культуры, вплоть до изменения фамилий и принадлежности к религии. Феномен, который трудно поддается научному анализу, тем не менее, невзирая ни на что, в первую очередь конституционную императивность нормы о втором государственном языке, количество граждан, в быту говорящих по-русски, и компактность их расселения, доходит до того, что ему отказывают в подобном статусе, предлагая сделать таковым язык, на котором общаются представители англосаксонской правовой традиции.

Помимо прочего, *кризис гуманитарных дисциплин*, в частности истории и истории государства и права, проявляется в том, что на все эти метаморфозы общественная мысль до сих пор так и не смогла (или по каким-то причинам не захотела) отреагировать соответствующим образом, что не может не вызывать вопросов. Например, когда в середине 1990-х — начале 2000-х гг. как «грибы после дождя» начали появляться, быстро сформировав корпус сторонников и апологетов, многочисленные «новые хронологии» и «альтернативные версии истории», профессиональное сообщество, отстаивая традиционное понимание цивилизационных процессов, сделало вывод, что если оно не сумеет защитить концептуальных «основ», сформированных за несколько веков национальной истории, то о фундаментальной науке — можно будет говорить, скорее всего, в сослагательном наклонении, не более. В случае с современной Украиной и тем фантомом, в центре которого мы видим так называемых «великих укров» и их, с позволения сказать, «цивилизацию», нет ничего, *даже близко похожего*, как будто ни у кого нет и тени сомнений в целесообразности «болезни роста».

По всей вероятности, одним из негативных последствий (закономерный характер которого все более очевиден) *индифферентного*, не критического, а в чем-то даже *снисходительного* отношения российских ученых⁴ к «научным изысканиям» представителей новой генерации «независимых и самостоятельных» украинских историков является тот абсурд, который периодически выдается за «науку»⁵, на основе которого, с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, продолжает формироваться идеология национал-патриотической (радикально-шовинистической) государственности. Выполняя «политический заказ» правящей элиты одной из европейских монархий (речь идет об Австро-Венгрии, в состав которой в начале XX столетия территориально входила так называемая «западенщина»), искажив первоначальный смысл средневекового

⁴ Как констатируют, на наш взгляд, достаточно корректно, несмотря на известную бескомпромиссность и чрезмерную категоричность своих оценок, соавторы одной из монографий, посвященной идеологии русской государственности, характеризуя «собираемый образ» отечественного «кабинетного» ученого, русский «приват-доцент» традиционно «... не любит идеологии, как и проявлений ума вообще. «Приват-доцент» — в безопасности, он ничего не делает, ничем не рискует, пересказывая написанное другими, *преподает*, не задавая себе — и читаемым авторам — вопросов: зачем они это писали? Для кого? Где авторы лгут сознательно, а где добросовестно заблуждаются? Ведь разбираться в этом считается в преподавательской среде неуважительным и неприличным. А уж собственные теории (как, например, «норманнский миф». — *Авт.*) им дороги как дети. Тем более нельзя задавать вопросы о том, *зачем и для чего* созданы эти теории. На них во многом построено социальное благополучие их авторов. Причем как в плане карьеры (формального признания заслуг), так и со стороны политической ориентации» (Sergeitsev, Kulikov & Mostovoi, 2021:17).

⁵ Не менее справедлив и следующий тезис, цитируемый ранее исследователями, имеющий отношение и к нам, и к бывшим советским республикам, в частности к Украине: «...В отличие от современного «приват-доцента» идеолог осваивает и продолжает основную научную традицию — сомневаться. И всегда готов заново построить теорию конкретного действия в конкретной ситуации, опирающуюся на передачу и понимание опыта предшественников, а только такие теории и эффективны. Преподавание гуманитарных дисциплин только тогда станет осмысленным и полезным, когда оно будет осознано, отредактировано и подано как *честное и открытое идеологическое обеспечение человеческой деятельности*. Идеология в первую очередь призвана обеспечить *политику и войну* — и *всякую социальную стратегию вообще*. Но она также нужна при любом смелом *индивидуальном* человеческом начинании. Именно идеология и размышление о ней дают индивиду силу противостоять конформизму общества, дают шанс на *успешное личное действие*» (Sergeitsev, Kulikov & Mostovoi, 2021:18).

географического термина «*окраина*», интерпретировав его с государственно-правовой точки зрения и экстраполировав на регион Среднего Поднепровья, о котором в летописях нет упоминаний как о «Киевской Руси»⁶, была заложена «мина замедленного действия», детонатор которой успешно «сработал» после того, как Украина получила независимость и суверенитет в результате распада Советского Союза, благодаря руководителям которого она и функционирует в границах, доставшихся ей в наследство от ненавистной тоталитарной империи и коммунистической идеологии. В итоге — *проблемы с самоидентификацией*.

Чем либеральная демократия с институциональной точки зрения отличается от современной «цветной» охлократии?

Под вывеской борьбы с инакомыслием, идеологизацией исторического процесса, рецидивами периода колониализма и расовой сегрегации не только сносятся памятники бывшим «национальным героям», но и *актуализируются* чрезвычайно агрессивные и мало предсказуемые тенденции охлократического характера, во многом обусловленные стремлением определенных «сегментов» общества (маргинализация и десоциализация которых становится достаточно ощутимой, нередко *востребованной* со стороны национальных правящих элит и аффилированных с ними «ассоциаций» или «корпораций»), прежде всего так называемых «меньшинств», взявших на вооружение лозунги неолиберализма, толерантности и мультикультурализма, «получить долги» с потомков тех, кто торговал «черным деревом», в течение нескольких веков неся «бремя белого человека», и рассматривая рабов не чем иным, как «движимым имуществом», кто (от мормонов до тоталитарных общин квакеров и пилигримов), исповедуя протестантизм и различные неканонические религии, строил «Град на холме», заключал «договоры виски» с коренным индейским населением, ограничивая территорию их проживания (вернее, выживания) масштабами резерваций, кто насаждал «демократию» африканским и азиатским варварам. Трудно судить о справедливости, тем более целесообразности «требований» подобного рода, выдвигаемых одной частью общества другой, но факт остается фактом: теперь *считается как минимум моветоном* — вплоть до официальных руководителей органов государственной власти — *не встать на колено* в знак солидарности с представителями тех, в отношении которых в законодательстве, судебной или

⁶ Исходя из того, что в летописях упоминается имя «Кий», которое носил один из братьев-полян, живших в районе будущего города, получившего название «Киев», ученые XIX в. для периодизации древнерусской истории ввели в научный оборот своего рода «кабинетное» (по словам академика Б.А. Рыбакова) название «Киевская Русь», несмотря на то, что государство с таким названием не зафиксировано ни в отечественных, ни в зарубежных письменных источниках: «...Поляном же, живущим особе и владеющим роды своими, яже и до сеи брат(ь) и беаху поляне, и живяху кождо на своих месътех с родом своим. И быша три братия: единому имя Кии, другому Щек, трет(ь)ему Хорив, а сестра их Лыбед(ь). И живяше же Кии на горе, где есть н(ы)не увоз Борцев, в бе с родом своим, а брат его Щек живяше на другой горе, где н(ы)не зоветца Щековица, а Хорив на трет(ь)ей горе, от него прозвашася Хоривиц(а). И тако сотвориша собе градок во имя брата своег(о) стареишаго, якоже и бысть, и нарекоша имя ему град Киев...». Цит. по: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского (Полное собрание русских летописей. Т. XLIII) / подгот. текста О.Л. Новиковой; подгот. приложения В.И. Легких, И.В. Федоровой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 12.

правоприменительной практике традиционно использовался термин «colored people». Не говоря уже о том, что с политической и любой иной карьерой будет навсегда покончено, если человека с темным цветом кожи кто-то публично назовет «чернокожим» или подвергнет сомнению необходимость скорейшего «возврата долгов», мотивируя собственную точку зрения тем, что он никакого отношения не имеет ни к периоду рабовладения, ни к сегрегации, ни к какой-то другой форме дискриминации по расовому или этническому признаку. При этом никакие, в том числе правовые, аргументы не принимаются во внимание, игнорируются и не учитываются: если так пойдет и далее, не исключено (нечто подобное немислимо a priori), что и многочисленные потомки античных рабов посчитают для себя целесообразным получить какую-либо «компенсацию» от современных греков, египтян или итальянцев⁷. А что делать в том случае, если претензии начнут предъявлять наследники европейских женщин, в отношении которых длительное время действовало средневековое «право первой ночи»⁸, принадлежавшее соответствующему феодалу, так как, по мнению кого-то из них, им причитаются алименты либо «возмещение причиненного вреда»? Как ни странно, в рамках англосаксонского прецедентного права достаточно всего лишь судебного решения не очень квалифицированного судьи для того, чтобы подобного рода «абсурд» *трансформировался* в действующую юридическую норму, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями⁹.

Может возникнуть обманчивое впечатление, особенно у тех оппонентов, кто совершенно, даже на уровне беллетристики, не знаком со специфическими чертами, особенностями и институтами англосаксонской правовой традиции, что речь идет о чем-то, не имеющим к нам никакого отношения, и будет прав и неправ одновременно, так как, исходя из норм действующей Конституции (в редакции поправок 2020 года), представить что-то аналогичное европейскому понятию «родитель номер один» и «родитель номер два» нельзя ни при каких условиях, то есть ни с юридической, ни с морально-этической, ни с гендерной точки зрения. На наш взгляд, здесь *нет ни предмета, ни объекта*, которые так или иначе могли бы стать основанием для научной дискуссии (если, конечно, речь не идет о психически нездоровых людях либо лицах с низкой социальной ответственностью, по каким-то причинам ассоциирующим себя с наукой), не говоря уже — причем однозначно и безапелляционно — о нормативно-правовой регламентации законодательного, подзаконного и судебного характера. Грех, в первую очередь библейский, результаты которого в полной мере ощутили на

⁷ Кто-то может посчитать вопрос подобного рода абсурдным и анекдотичным, тем не менее проблемы, при всей их гипотетичности, с которые могут столкнуться в этом случае, не так наивны и безоблачны, как кажутся на первый взгляд. В Соединенных Штатах, по существу, открыли не что иное, как «ящик Пандоры».

⁸ Даже странно, почему европейские феминистки до сих пор не внесли этот вопрос в «повестку дня».

⁹ Еще не так давно — в конце XIX — начале XX в. — в Соединенном Королевстве действовали нормы, исходя из которых мужчина, вступивший в половые отношения с другим мужчиной, подвергался соответствующему уголовному наказанию (как в случае с литератором Оскаром Уайльдом), вплоть до тюремного заключения. В настоящий момент в этой стране подобные отношения не только никак не преследуются, но и разрешены официально, вплоть до однополых браков и усыновления детей. Так что высказанные выше предположения не так гипотетичны и абстрактны, как могут показаться на неисключенный, обывательский взгляд.

себе жители Содома и Гоморры, *мимикрировал* настолько, что в большинстве государств Европейского союза он теперь считается не только добродетелью, но и «ценностью», которой, несмотря ни на что, необходимо соответствовать. И под это подведена юридическая база в форме решений Европейского суда (в этом чувствуется влияние англосаксонской «практики») по правам человека и национального законодательства целого ряда членов данного сообщества. Что в большей или меньшей степени *не может не свидетельствовать* о системно-институциональном кризисе тех конфессий, в том числе католицизма, которые либо сделали вид, что ничего экстраординарного не происходит, либо, в силу разных причин (от педофилии священнослужителей до коррупции), пошли на поводу идеологизированных политических элит отдельных государств, число которых перманентно возрастает. Более того, есть основания констатировать *терминологический кризис*, так как дефиниции «демократия» и «либерализм» не только утратили первоначальный смысл, но и не отвечают требованиям дня, хотя, справедливости ради необходимо сказать, что расширение прав и свобод человека *de facto* не может, причем объективно, не диссонировать и входить в противоречие с осуществлением публичной или общественной власти. Иначе говоря, словом «демократия», известным не одно тысячелетие, обозначается то, что не имеет к подлинному народовластию *никакого отношения*¹⁰.

Тот «смысл», который вкладывали в понятие *непосредственных* или *представительных* форм «демократии», в частности Платон и Аристотель, давно не соответствует (и еще вопрос, соответствовал ли где-нибудь и когда-нибудь) ни парламентаризму, ни электоральным механизмам (особенно четко это проявлялось в периоды действия различных цензов и ограничений), о чем с большей либо меньшей степенью наглядности свидетельствует практика, так как, расширяя права и свободы одной части населения, сословия или класса, публичный институт, *de jure* олицетворяющий и аккумулирующий власть, не будет заинтересован в том, чтобы «равенство» носило *всеобщий*, ни чем и ни кем *не контролируемый* характер (в качестве иллюстрации можно упомянуть голосование нескольких

¹⁰ Любопытно было бы в этой связи «представить» реакцию на те процессы, что имеют место в Европейском союзе, таких исторических персонажей, совершенно не церемонившихся с теми, кто подвергал сомнению постулаты католицизма, как «великий инквизитор» Торквемада или авторы пресловутого «Молота ведьм», так как, если тенденции, основанные на толерантности и мультикультурализме, поставят под сомнение все те запреты и нравственные императивы, о которых недвусмысленно говорится в Библии и других канонических источниках, то они могут быть признаны ограничивающими права и свободы «меньшинств» и, как следствие, со временем запрещены. У здравомыслящего человека, особенно воцерквленного, тенденции подобного рода не могут вызвать ничего, кроме возмущения и стремления каким-то образом защитить себя и своих близких, однако факт остается фактом: все меньшее число людей, особенно из представителей молодого поколения, соотносят свои действия, желания и поступки с тем, что являлось в течение нескольких столетий одним из «красугольных камней» европейской цивилизации, когда основой всего считался Создатель, а не человек с его низменными страстями и наклонностями. А если человек игнорирует табу и запреты, то нет и понятия греха. В итоге европейская цивилизация не только не развивается духовно-нравственно, но все более активно и последовательно *деградирует и деэволюционирует*, «возвращается назад», в эпоху варварства и безбожия. Парадокс состоит в том, что человеческий порок не просто перестал восприниматься обществом адекватным образом, с недавних пор — он *возведен в статус «либеральной ценности»*, непререкаемый характер которой не только перманентно абсолютизируется, но и последовательно регламентируется правовыми нормами.

десятков миллионов американских граждан по почте, в результате чего конверты многих из них по каким-то причинам теряются и не доходят до пункта назначения, когда в выборах участвуют недееспособные и даже давно ушедшие из жизни граждане, не говоря уже о том, что пассивным избирательным правом, что абсурдно по определению, могут обладать, как ни странно, даже домашние животные).

«Всеобщность», как и «равенство» (попробуйте избраться куда-нибудь, хотя бы на уровне муниципалитета, не обладая финансовым обеспечением или партийной поддержкой, и вы поймете, что это всего лишь разрекламированная фикция), не что иное, как одна из либеральных «мифологем», предназначенная для того, чтобы «реакция человека», вызванная декларативностью его статуса, дискомфортом и разочарованием от невозможности реализации прав и свобод, была бы — *максимально «амбивалентной»*. Например, о какой «всеобщности» может идти речь, если главу государства избирают не дееспособные граждане, достигшие необходимого возраста и отвечающие определенным требованиям, а всего лишь несколько сотен человек, именуемых «коллекцией выборщиков», в численном отношении не равных между собой, так как представительство от штатов в этом «временном» органе носит дифференцированный характер. Еще более «демократичной» является практика, согласно которой в выборах — ни в какой из форм — не принимают участие граждане, имеющие судимость: одно дело, когда человек, совершивший уголовное преступление, *ограничивается в правах всего лишь на период* нахождения в пенитенциарном учреждении, где он отбывает наказание, после чего они восстанавливаются, другое дело, когда *поражение в праве* избирать и быть избранным *носит абсолютный характер*, независимо от того, снята с человека судимость или нет. Когда во главу угла организации и деятельности органов публичной власти ставится *процедура и периодическая сменяемость «избранных народа»*, то каких-либо вопросов, связанных с «равенством» или «всеобщностью», не возникает, даже с учетом того факта, что один и тот же человек может занимать выборную должность в течение многих десятилетий (и это считается воплощением «демократии»).

Идущие параллельно, как бы дополняющие друг друга, *политизация и извращение истории* (что характерно не только для англосаксонских, но и для отдельных европейских государств романо-германской правовой традиции, позиционирующих себя «оплотом демократии») все более *актуализируются и становятся доминирующими* в кругах научного сообщества, выполняющего «социальный заказ», и средствах массовой информации, *de facto* развязавших бескомпромиссную идеологическую войну против стран, не разделяющих так называемых «постмодернистских ценностей», основанных на толерантности, мультикультурализме и современной интерпретации соответствующих стадий и тенденций исторического процесса, популяризируемых в качестве «примера для подражания». Справедливо или нет — принципиального значения не имеет, но *оправдывается*, в большей либо меньшей степени, *практически все*, что не противоречит устойчивым шаблонам и стереотипам, сложившимся в течение последних веков в общественном сознании, в том числе в отношении того, что с конституционно-правовой и институциональной точки зрения представляет

собой «буржуазно-либеральная демократия» и ее англосаксонский вариант в виде пресловутого «Града на холме». Особенно учитывая то обстоятельство, что ни о каком «равенстве» правового положения различных групп населения, олицетворявших собой американскую гражданскую нацию, длительное время речь не могла идти в принципе, не говоря уже о «всеобщности», носившей *de facto декларативный* и *расово-сегрегационный* характер.

К примеру, ряд фамилий некоторых действующих политиков¹¹ хорошо известны еще с периода, когда «заморские территории» являлись британскими колониями: их предки (землевладельцы, банкиры, адвокаты, судовладельцы), относившиеся к экономической, финансовой и политической элите, занимали различные должности сначала в колониальных структурах представительной, исполнительной и судебной власти или «оппозиционных» Континентальных конгрессов, подготовивших почву для провозглашения тринадцатью штатами независимости от метрополии, а после ее получения автоматически пересев в кресла делегатов Конституционных конвентов и ассамблей (где мы не найдем, даже, несмотря на то, что *будем очень стараться*, ни одного «colored people», ни одного представителя коренного индейского населения или женщины). Это никогда не рассматривалось «семейственностью», не подвергалось критике и воспринималось в качестве преемственности (особенно в контексте того, что, согласно решениям судов, в некоторых штатах чернокожие не могли получить высшего образования вплоть до конца XX в.), как и тот факт, что членами обеих палат федерального Конгресса или легислатур штатов представители соответствующих семей являлись в течение тридцати, сорока и более лет. Тем не менее, практика подобного рода повторяется регулярно (и на региональном уровне, и на общенациональном), из кампании в кампанию, однако стоит в любом другом государстве, особенно в тех, где *не разделяются* «ценности» и «критерии» демократии строго определенного образца, кому-то избраться на конкретную должность более двух сроков подряд, это квалифицируется — не иначе, как авторитаризм, диктатура, попрание прав и свобод человека, за что вводятся санкции и всевозможные «штрафные» ограничения.

С учетом высказанных замечаний, трудно отказаться от мысли, исходя из которой, современные государство и право, в процессе как эволюционного, так и революционного развития, *продолжают* воспринимать «демократию» (в весьма вариативных словосочетаниях — от буржуазно-либеральной, сословно-представительной или христианской до советской и народной) примерно в тех же смысловых значениях, что и двести пятьдесят лет назад, в эпоху системного кризиса феодальной общественной формации и стагнирующего абсолютизма, который предполагали *существенным образом ограничить* либо *полностью ликвидировать* посредством таких институтов, как выборы и парламентаризм. Но электоральные процедуры, традиционно лежащие в основе любых форм представительной демократии, *весьма дорогое удовольствие*, «дороговизна»

¹¹ В качестве примера можно привести фамилию «Клинтон»: ее обладатель, в частности, в лице губернатора штата Нью-Йорк Джорджа Клинтона, известен с Конституционного конвента 1787 г. как один из тех, кто, не поддержав положений федерального учредительного акта, ограничивавших права штатов и полномочия региональных органов власти, отказался принимать участие в его работе и покинул заседание.

которого лишь только возрастает в зависимости от того, какой властный орган — муниципальный, региональный или общенациональный — формируется. Уже в этом заложено *противоречие фундаментального характера* между тем, что продекларировано в юридическом акте, и тем, что имеет место на практике. В новейшей истории лишь в «советский» период, когда организация проведения очередных или внеочередных выборов лежала исключительно на государстве, материальное положение лица, баллотирующегося в депутаты, по существу не играло никакой роли, так как ему не требовались «спонсоры», из финансовых средств которых оплачивались конкретные стадии избирательного процесса. В государствах, позиционирующих себя «оплотом демократии»¹², начиная со времени появления такого института, как выборы, важнейшую роль играло не что иное, как экономическое положение лица, материализацией которого был «имущественный ценз» и «избирательный налог», действовавший, например, в тех же Соединенных Штатах по историческим меркам еще совсем недавно¹³, позволявший или лишавший человека возможности участвовать в реализации пассивного либо активного избирательного права (при этом подчеркнем, что речь идет о второй половине XX века, а не о средневековом периоде).

Другими словами, в общественных системах, основанных на классовой или сословной дифференциации населения, «демократия» *не ассоциируется* с большинством и всегда будет носить декларативный характер, обусловленный социальной стратификацией и отсутствием равенства, так как у человека¹⁴, не отвечающего соответствующим критериям, установленным правящей элитой, прежде

¹² Например, в Конституции Франции 1791 года (Отдел II. Первичное собрание. Избрание выборщиков) это регламентировалось следующим образом: «... Никто не может быть избран выборщиком, если, кроме условий, необходимых для внесения в число активных граждан (где о женщинах речь вообще не шла. — *Авт.*), он не удовлетворяет нижеследующим требованиям: в городах с населением свыше 6000 — владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим, по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 200 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 150 рабочих дней; в городах с населением менее 6000 — владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 150 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 100 рабочих дней; в сельской местности — владение на праве собственности или пожизненное пользование имуществом, приносящим, согласно налоговым спискам по оценке, доход, равный по местной стоимости 150 рабочим дням, или наем либо аренда имущества, ценность которого по налоговым спискам равна стоимости 400 рабочих дней...» (Krashennikova, 2000:53—54).

¹³ Так, читаем в XXIV поправке к Конституции Соединенных Штатов, ратифицированной 23 января 1964 г.: «...Право граждан Соединенных Штатов участвовать в голосовании на любых первичных или иных выборах за Президента или Вице-президента, за выборщиков Президента или Вице-президента либо за сенаторов или представителей в Конгресс не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами либо каким-либо штатом вследствие неуплаты какого-либо избирательного или иного налога...» (Krashennikova, 2000:168).

¹⁴ Например, читаем в статье второй Конституции штата Нью-Йорк 1822 г.: «...Правом участия в выборах в городе или участке, в котором он живет, а не в другом месте (налицо ценз оседлости. — *Авт.*), для назначения всех должностных лиц, которые теперь или впоследствии будут избираться народом, пользуется всякий гражданин, имеющий от роду двадцать один год, живший в штате в течение года перед выборами, в которых он желает участвовать, который сверх того жил в течение последних шести месяцев в том же городе или графстве, где он может подавать свой голос и который в предшествующем выборам году платил штату или графству прямой личный или земельный налог; или же который, с

всего не обладающего частной собственностью либо необходимым (в количественном и качественном выражении) имуществом, а *privilege* не должно быть совокупности прав, идентичных или сопоставимых с объемом, которым законодательно наделен иерархически вышестоящий член общества. Именно по этой причине в период первых буржуазно-либеральных революций словом «демократия» не называли те политические режимы, которые сформировались в результате, отдавая предпочтение терминам «конституционная монархия» и «республика», ни *de jure*, ни *de facto* не корреспондирующим форме правления, ассоциируемой с *народовластием* и *большинством* дееспособного населения. Идентификация населения по гендерным, расовым и этническим признакам не рассматривалась — вплоть до XX в. — критерием, лежащим в основе равенства и всеобщности (несмотря на стремление современных кинематографистов и писателей внушить нам мысль о том, что представительницы «слабого пола»¹⁵ и люди с темным цветом кожи обладали практически такими же правами, как и белые мужчины, занимая должности в государственном аппарате, полиции и прочих структурах публичной власти), в связи с чем правом избирать и быть избранным реально были наделены всего лишь *несколько процентов* граждан или подданных (в том числе Соединенных Штатов и Туманного Альбиона)¹⁶.

оружием и амуницией, в течение года нес службу в ополчении... Правом участия в выборах пользуются те из граждан, имеющие двадцать один год, которые жили в штате в течение трех лет, предшествующих выборам..., которые личным трудом принимали участие в исправлении дороги или уплатили, взамен их личного труда, соответствующую сумму, установленную законом. Никакой цветной человек не имеет права участия в выборах, за исключением того случая, если он в течение трех лет состоял гражданином штата и за год до выборов владел недвижимым имуществом стоимостью в 250 долларов, свободным от всяких долгов и налогов...» (Krashennikova, 2000:127).

¹⁵ Так, в Соединенных Штатах «слабый пол» получил избирательные права всего лишь в 1920 г. — *через сто тридцать три года* после принятия федеральной Конституции, согласно XIX поправке: «...Право голоса гражданина Соединенных Штатов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола» (Krashennikova, 2000:167). В свою очередь во Франции — родине «Декларации прав человека и гражданина» — женщины стали обладать избирательным правом *только* по Конституции IV республики 1946 г.: «...Статья 4. В условиях, определенных законом, избирателями являются все совершеннолетние обоюбого пола французские граждане и лица, состоящие под французской властью, пользующиеся гражданскими и политическими правами» (Krashennikova, 2000:232).

¹⁶ Видимо, «стыдясь» своего прошлого и стараясь не причинить душевных страданий молодому поколению, в первую очередь потомкам всех тех, кто подвергся расовой дискриминации, авторы современных учебников не включают в них глав или разделов, посвященных тому историческому периоду, в течение которого не только процветала, но и максимально широко популяризировалась в средствах массовой информации и пропагандировалась среди американского, британского, голландского, бельгийского населения работорговля как одна из форм «первоначального накопления» капитала, началом которой послужило решение лорда-протектора Англии Оливера Кромвеля и его протестантского окружения о направлении в качестве наказания в «заморские территории» в Новом Свете ортодоксальных ирландских католиков. Иначе говоря, появлению новой — *неантичной* — эпохи рабства мир обязан прежде всего людям с белым цветом кожи, а не африканцам, потомки которых все более настойчиво требуют «возмещения вреда» за геноцид и унижение, ставя всех в качестве покаяния за «грехи предков» на колени и разрушая памятники.

Напомним, что граждане Соединенных Штатов с белым и темным цветом кожи были — *de jure*, но не *de facto* (так как режим сегрегации по расовому и этническому признаку продлился до середины XX в.) — уравниены в правах, исходя из положений XV поправки, ратифицированной 3 февраля 1870 г.: «...Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольной работы» (Krashennikova, 2000:135).

С какой целью «редактируют» историю государства и права?

У кого-то может возникнуть обманчивое впечатление, что *политизация истории*, с вымарыванием отдельных периодов, несущих на себе негативный отпечаток для народов, испытавших так называемое «бремя белого человека», — это явление, закономерность которого не только очевидна, но и оправдана с гуманистической точки зрения, так как многое, непосредственно связанное с рабовладением, торговлей людьми и колониализмом в целом, имевшими место в странах, позиционирующих себя в качестве «оплота демократии», до сих пор так и не получило адекватной оценки, несмотря на большое, по отдельным вопросам значительное количество исследований. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что после распада Советского Союза, ученые которого шли как бы в авангарде процесса изучения характерных особенностей и специфики становления государства и права стран «третьего мира», освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного развития, о чем свидетельствуют работы, посвященные широкому кругу проблем, были в той или иной степени утрачены научные школы, что не могло не сказаться на качестве «произведений» современных авторов. Не зная прошлого, тем более подвергая не всегда оправданной ревизии наиболее неприятные и трагические «страницы», со всеми вытекающими «последствиями», нельзя с уверенностью сказать, каким будет будущее, несмотря на новую промышленную революцию и поэтапную цифровизацию общественных процессов (с гипертрофированной абсолютизацией прав и свобод человека), с чем сталкивается ряд государств, в истории которых весьма существенный след оставили взаимоисключающие друг друга тенденции: *демократизация* политического режима внутри страны и *колонизация* «заморских территорий», торговля рабами за ее пределами (что было довольно характерно для Соединенного Королевства, ликвидировавшего рабство в конце первой трети XIX в., параллельно существенным образом активизировав процесс либерализации избирательного права, завершившийся реформой 1832 г., ни в чем не изменившей положение «слабого пола» как подданных, так сказать, «второго» сорта, пораженных в праве избирать и быть избранными, в то же время продолжавшего снабжать свои бывшие «заморские территории» рабами из ряда регионов Африки)¹⁷.

¹⁷ Патернализм и снисходительное отношение к «заморским территориям», получившим независимость, во многом характерно не только для бывших метрополий, типа Соединенного Королевства или Франции, но и для тех государств, которые, обладая когда-то статусом колонии, сами в свою очередь никогда их не имели, хотя *de facto* отношение к странам «третьего мира» носит явные признаки неоколониализма. Парадокс состоит в том, что в силу целого ряда причин — от самобытных традиций до религии — даже такие «плавильные котлы», как Соединенные Штаты, все хуже справляются с этнонациональными, социальными, культурными и иными проблемами, возникающими между ними и развивающимися странами. Это становится все более ощутимым, особенно в контексте тех кризисных явлений системного характера, которые наблюдаются в последние годы, связанные в том числе с политизацией истории и вымарыванием из нее отдельных периодов, диссонирующих с новым — «цветным», афроамериканским — пониманием общественных процессов.

Исключительно критически оценивая состояние, в котором находились Соединенные Штаты уже более десятилетия назад (разгар глубочайшей рецессии и масштабного долгового кризиса, раскол нации), известный американский политик и публицист консервативного направления, советник трех американских президентов и кандидат на пост главы государства от реформистской партии в 2000 г. Патрик

К сожалению, то, что происходит с «переписыванием истории» (в угоду политическим элитам и отдельным группам населения, маргинализирующим и десоциализирующим, давно сложившиеся и ставшие традиционными сферы мировоззренческих, этнокультурных и нравственно-этических отношений), не может — с большей или меньшей степенью наглядности — не свидетельствовать о том, что капитализм как общественно-экономическая формация переживает не только системно-институциональный, но и *интеллектуальный кризис*, мало сопоставимый по масштабам и своим последствиям с тем, что наблюдалось на предшествующих стадиях развития, в том числе государства и права, не говоря уже о «субъектах», прямо либо косвенно вовлеченных в него. Несомненно, что при переходе от феодализма к капитализму *цивилизационный процесс* также носил характер *компиляции* «старого» и «нового», в результате чего общество (в лице тех, кто «концентрировал» в своих руках публичную власть и рычаги управления) отказывалось от того, что уже неэффективно функционировало в рамках монархической формы правления, одновременно актуализируя другое, предназначенное для реализации качественно иных задач, возникавших перед ним. Принципиальное отличие от того, что имело место на предыдущем этапе эволюционного и революционного процесса государственного строительства, и наблюдается в последние годы, проявляется, помимо прочего, *в отсутствии научно обоснованной концепции* движения вперед, так как теории и доктрины классического либерализма, ставшие основой капиталистических отношений, *не в состоянии дать* адекватные «требованиям дня» *ответы* на большинство вопросов, все чаще встающих перед государством, обществом и гражданами¹⁸.

Парадокс, *как ни странно на неискушенный взгляд*, состоит в том, что, осознавая это, никто — ни на так называемом «цивилизованном западе», ни на

Бьюкенен отмечает в одной из своих работ: «Мы вступили в эпоху экономии и аскетизма, подобных которым нынешнее поколение еще не видело. Причем Америка «движется по наклонной», если можно так выразиться, не только в экономике и политике. Социальная среда, культура, мораль — везде Америка демонстрирует признаки декаданса, везде проявляет себя как нация, пребывающая в упадке. Когда умирает вера (следствием и наглядным проявлением этого нельзя не рассматривать толерантность и мультикультурализм. — *Авт.*), с нею умирают культура и цивилизация, умирает народ как таковой. Это неизбежно. И по мере того, как слабеет на Западе вера, которая этот Запад породила, люди европейского происхождения ... начинают вымирать, тогда как «третий мир» устремляется на север, чтобы завладеть освобождающимся «имуществом». Последнее десятилетие предоставило убедительные, если не окончательные доказательства того, что мы наблюдаем «бабье лето» нашей цивилизации...» (V'yukenen, 2016:9—10).

¹⁸ Вместо серьезной научной дискуссии обществу предлагается, так сказать, «джентльменский набор» в виде пресловутой толерантности и мультикультурализма, которыми правящие элиты и аффилированные с ними олигархические группировки пытаются «залатать» многочисленные «дыры», образовавшиеся в результате системно-институционального кризиса, поразившего современные государства, *de facto* ассоциирующие себя с «западной» моделью демократии. Однако все более очевидным становится тот факт, что кризис не удастся преодолеть при помощи только «косметических реформ», так как необходимы преобразования «надстройки» фундаментального характера, в том числе политического режима, уже не отвечающего «требованиям дня». Без радикализма (с элементами авторитаризма) противопоставить что-либо адекватное «новым ценностям», судя по всему, властная элита вряд ли сможет обойтись, и будет не в состоянии переломить ситуацию таким образом, чтобы начать следующий этап государственного строительства. Но для этого со стороны правящего класса и его ближайшего окружения потребуются политическая воля, а с этим — из-за отсутствия национальных лидеров соответствующего уровня пассионарности — как раз и могут возникнуть проблемы. Как ни странно, но «кадровый» кризис охватил и эту сферу общественных отношений, преодолеть которых пока не удастся.

«ревизионистском востоке» (термин, которым благодаря все тому же «оплоту демократии» и «примеру для подражания» в последнее время стали именовать государства, не разделяющие новых ценностей) — не берет на себя «смелость» инициировать дискуссию, необходимую для преодоления интеллектуального кризиса, поразившего многие гуманитарные науки, *без которой нельзя будет сформировать* «нового» взгляда на перспективы социальной трансформации, тем самым усилив не только негативные тенденции, наблюдаемые сейчас, но и спровоцировав *появление еще более абсурдных и неестественных* с точки зрения традиционных прав и свобод человека, брачно-семейных отношений и морально-нравственных ценностей. Без идеологического обоснования в этом случае любая полемика будет носить *неконструктивный* характер, что в итоге может привести к «забалтыванию» самых прогрессивных и востребованных временем концепций, от кого бы они в конце концов ни исходили и кем бы ни популяризовались, каждый раз в качестве «аргументов» ссылаясь на какие-то «неточности», диссонирующие с общепринятыми нормами¹⁹.

Одной из тенденций, в большей либо меньшей степени обусловленной кризисными явлениями системно-институционального характера, с которыми сталкиваются государство и право периода стагнирующего и деградирующего капитализма, следует рассматривать «сегментацию» общества, направленную, с одной стороны, на *раздробление* того, что входит в понятие «электорального большинства», *de facto* ассоциируемого с прямыми или косвенными формами представительной и непосредственной демократии, с другой — *актуализацию* всевозможных групп так называемых «меньшинств», настойчиво, агрессивно и все более беспардонно требующих эксклюзивного отношения к своим «особым» правам и свободам, похожим, скорее, на *вседозволенность*, чем на общепринятые «правила поведения»²⁰.

Говоря в этой связи о причинах тех «тенденций», которые все активнее охватывают различные сферы общественных отношений, мы, судя по всему, не

¹⁹ В контексте высказанного замечания хотелось бы процитировать И.А. Ильина, писавшего в тот период, когда многие «современные» права и свободы, в основе которых лежат толерантность и мультикультурализм, не носили столь актуального характера, как сейчас: «...Юристу в высокой степени важно дать себе ясный отчет в том, что в ряду его рассмотрения это понятие (имеется в виду понятие «свободы». — *Авт.*) должно быть чуждо реалистическому пониманию — будь то в метафизическом или эмпирическом смысле. Юрист понимает «свободу» не как абсолютное изъятие от *всякой* определенности, или от действия эмпирических законов вообще, или от действия *известных только* эмпирических законов, а как разрешенность, установленную в правовых нормах, и «*сфера свободы*» означает в его устах *элемент полномочий в правовом статусе субъекта*. Точно так же «связанность» в устах юриста не должна иметь фактического оттенка: субъект может иметь много юридических «связанностей» в своем статусе и быть фактически не «связанным» «обстоятельствами». Методологическое значение этого различия обнаруживается с особой наглядностью в сфере уголовного права: последнее целиком покоится на признании постоянного расхождения «связанности» юридической и «связанности» фактической, порождающего как раз необходимость «уголовной» реакции. «Свобода» и «связанность» в глазах юриста лежат за пределами реального ряда, за пределами досягаемости для категории силы...» (П'ин, 1998: 885)

²⁰ Причем «эксклюзивность» *проявляется во всем*, начиная с навязывания «новых ценностей», многие из которых не иначе как абсурдом и мракобесием не назовешь, и заканчивая юридической регламентацией тех, с позволения сказать, «отношений», за которые несколько десятилетий назад была предусмотрена уголовная ответственность. Как следствие — трансформация традиционных социально-политических институтов.

будем далеки от истины, если выскажем мысль о том, что многие из них следует искать *непосредственно в самой модели* демократии «западного» типа, апогеем которых можно считать возведенные в абсолют пресловутые «ценности», приобретающие в Европе и Соединенных Штатах (как и в других государствах «коллективного Запада») гипертрофированный *тоталитарно-либеральный* характер. Помимо прочего к ним, на наш взгляд, целесообразно отнести: во-первых, *романо-германский синтез* (с конвергенцией «элементов» варварского и римского права, причем как в масштабах континентальной, так и островной части Европы), во-вторых, *ортодоксальный католицизм* и его проявления (с крестовыми походами, кострами инквизиции, борьбой с ересью и «неканоническими» конфессиями, захватом территорий и насильственным воцерковлением народов и этносов), в-третьих, *либерализм* (с «драконовским» законодательством этапа «первоначального накопления» капитала, массовым обнищанием населения, стратификацией и поляризацией традиционного общества), в-четвертых, *колониализм* (с шовинистическим «бременем белого человека», рабовладением и торговлей людьми). Никто, видимо, и не думал о том (даже предоставив кому-то из колоний или доминионов октроированную государственность), что когда-нибудь «исторический маятник» качнется в другую сторону, и потомки тех, кто в течение всей своей жизни подвергался дискриминации и не расставался с кандалами, потребуют — *в качестве акта покаяния* — публично встать на колени и возместить физический и моральный ущерб, который двести лет назад был нанесен их безымянным предкам²¹.

Принято считать, что история, в том числе государства и права, не имеет сослагательного наклонения, тем не менее кое-кого (в этом случае требования по переписыванию истории совпадают у представителей совершенно разных групп и «слоев» населения, рассматривающих себя в качестве «меньшинств», среди которых сосредоточены всевозможные «борцы за свободу» от нацистов, не утративших своих надежд на политический реванш, русофобов и потомков угнетенных до «великих укров», «родителей номер один» и «родителей номер два») не покидает ощущение, что цивилизационное развитие протекало не так, как оно «отражено» в научной, учебной, публицистической и художественной литературе, написанной преимущественно «победителями», среди которых в одних случаях преобладали белые мужчины, с их субъективным пониманием специфики исторического процесса, численностью не превышая нескольких

²¹ Причем бросается в глаза то, как цинично, надменно и в максимально оскорбительной форме для «белой» части населения все это было осуществлено. Парадокс состоит в том, что практически никто из граждан, за небольшим исключением, чьи права и свободы были нарушены грубейшим образом, не обратились в суд за защитой, тем самым показав «цветным», что их можно будет унижать и дискриминировать в других подобных ситуациях. Это свидетельствует о том, что современное североамериканское общество *не только расколото* по расовому и этническому признаку, оно *продолжает деградировать* с социальной и культурной точки зрения, не говоря уже о том, что важнейшим «требованием дня» становится реформа политической системы и «западной» модели демократии (в том числе в ее американской разновидности). Тот политический режим, который с институциональной точки зрения продолжает в Соединенных Штатах именоваться «демократией», не выдерживает никакой, даже самой снисходительной, критики, так как какой бы критерий мы ни взяли в качестве иллюстрации — он будет весьма проблематично оцениваться в контексте тех стандартов, с которыми традиционно принято ассоциировать «западную» модель демократии, самым безапелляционным образом навязываемую многим государствам так называемого «третьего мира» в качестве «примера для подражания».

процентов от общего количества населения соответствующей «империи» или национального государства, в других — страна, сумевшая, несмотря ни на что, не только сохранить суверенитет и независимость, но и создавшая уникальную многонациональную и многоконфессиональную цивилизацию, не желающая быть такой же, как «оплот демократии», ломающая стереотипы толерантности и мультикультурализма, не вписывающаяся в стандарты и шаблоны, принятые в государствах «коллективного Запада». В первом случае вопрос стоит таким образом, что школьникам Соединенных Штатов, общий уровень образования которых (тенденция носит, по существу, перманентный алгоритм) по целому ряду параметров катастрофически снижается²², навязывается «идеологема» о нескольких, как минимум трех, *альтернативных версиях истории* тринадцати британских колоний, подписавших в 1776 г. «Декларацию независимости». Так, *чернокожая* часть профессионального сообщества и поддерживающее ее население убеждены в том, что о ней следует говорить с момента прибытия в «заморские территории» африканских рабов, *белые* традиционно считают, что процесс государственного строительства берет «начало» с периода активного освоения континента европейскими переселенцами, ассоциирующими себя с протестантизмом и неканоническими религиями, искавшими в Новом Свете место для второго «Града на холме», *испаноговорящие* — с открытия Америки и ее колонизации отрядами конкистадоров, рассматривая государства ацтеков, инков и майя в качестве одного из важнейших элементов генезиса²³, наряду с коренным индейским населением Северной Америки, эволюционный переход которого в новое качество был насильственно прерван. Подобные тенденции, обусловленные требованиями населения ускорить «переписывание истории», проявляются прежде всего на уровне отдельных штатов, где в силу различных причин преобладают граждане с определенным цветом кожи, поэтому пока преждевременно говорить об их общенациональном характере, хотя их вектор и приобретает все более ярко выраженный негативный оттенок²⁴.

²² Причем в подавляющем большинстве штатов, особенно на уровне муниципальных школ, где не только — по причинам расового, этнического, гендерного и религиозного характера — из учебных планов исчезают (чтобы не оскорбить чувств учащихся) конкретные дисциплины, но и в связи с «переписыванием истории».

²³ В регионах традиционного компактного испаноговорящего населения очень трудно подсчитать выходцев из государств Латинской Америки, тем более соотношение лиц, проживающих на территории Соединенных Штатов легально и нелегально: «...В 2000 году испаноязычными были 15 процентов детей (напомним, что в Соединенных Штатах действует так называемый «принцип почвы», согласно которому все дети, рожденные на их территории, автоматически признаются гражданами этой страны. — *Авт.*), записанных в детские сады. К 2010 году эта доля выросла до 25 процентов. За то же десятилетие доля белых детей снизилась с 59 до 53 процентов. Почти 92 процента прироста населения страны за последнее десятилетие — 25,1 миллион человек — обеспечили меньшинства... Образование и уровень доходов испаноязычных американцев отстают от данных показателей для белых..., поэтому будущее выглядит мрачно. Если тенденция не изменится, 30 процентов рабочей силы Техаса к 2040 году не получат даже среднего образования, а средний доход домохозяйств штата будет значительно ниже, чем в 2000 году...» (В'уикенен, 2016:190). Трудно представить, что будет со страной, если «латинос» потребуют своей доли «возмещения вреда», например, за территории от Калифорнии до Флориды, аннексированные в свое время у Мексики и Испании.

²⁴ Как отмечал в одной из своих работ, написанной за несколько лет до событий весны и лета 2020 г., когда «цветные» громили и грабили страну, Патрик Бьюкенен, «согласно переписи 2010 года, белые американцы окажутся в 2041 году меньшинством. Среди людей моложе восемнадцати лет белые станут

При всей парадоксальности ситуации, спровоцированной стремлением (справедливым или конъюнктурным существенного значения не имеет) детей и внуков бывших «colored people» (к которым «присоседились» даже те, кто рассматривается гражданином лишь в первом, максимум втором поколении) получить с потомков рабовладельцев или, что является более приоритетным, со всех, кто обладает белым цветом кожи, материальное «возмещение вреда», события последних лет не могут не свидетельствовать о том, что демократия, к сожалению одних и радости других, постепенно трансформируется в своего антипода — *охлократию*, со всеми вытекающими последствиями не только для системообразующих публичных институтов, но и гражданской нации в целом. Демократия, вне всякого сомнения, не имеет «цвета», в то же время достаточно провести параллель между политическими режимами в Африке и Латинской Америке с их современным «американским аналогом» (при этом не забывая о том, что до ратификации и вступления в силу в 1865 и 1870 году XIII и XV поправок к федеральной Конституции 1787 года демократия в Соединенных Штатах была *преимущественно* «белой» и *исключительно* «мужской») как сравнение не будет в пользу разновидностей демократии по-африкански или по-латиноамерикански с точки зрения диктаторских режимов и совершенных государственных переворотов. Поэтому проблемы будут лишь усугубляться²⁵.

Бессмысленно отрицать достаточно очевидный факт, что люди с темным цветом кожи внесли большой вклад в становление и развитие государства, тем не менее нельзя преуменьшать и всего того, с чем ассоциируются переселенцы из Англии и других европейских стран, отправившиеся за океан в поисках «рая на земле», и в тяжелейших условиях повседневной жизни заложившие основы цивилизационного феномена, вошедшего в историю государства и права под

меньшинством в 2019 году. Каждый американский ребенок, родившийся после 2001 года, принадлежит к поколению скорее «третьемирному», нежели европейскому. Вопросы о будущем возникают сами собой. Если конец белой Америки видится «культурной и демографической неизбежностью», — задается далеко не риторическим вопросом автор, цитируя одного их исследователей, — какова будет «новая основа Америки — и какие идеалы и ценности будет она исповедовать? Что будет означать быть белым, когда белизна кожи перестает служить символом принадлежности к большинству? Кто оплатит гибель белой Америки? Попытается ли кто-нибудь сохранить ее?...» (B'yukenen, 2016:179).

²⁵ Следует учитывать тот факт, что события последних лет, обусловленные проблемами этно-национального состава общества, не явились чем-то неожиданным для тех авторов, которые рассматривали и исследовали этот процесс в динамике, а не статике, в том числе опираясь на официальные статистические источники: «... Пристальный взгляд на данные Бюро переписи населения Соединенных Штатов конкретизируют картину. В 2004 году Бюро сообщило, что меньшинства, которые сегодня идентифицируют себя как чернокожие, выходцы из Латинской Америки, Азии, Индии, с Гавайев и островов Тихого океана, — подчеркивает Патрик Бьюкенен, — к 2050 году превзойдут белых по численности. В 2008 году газета «Нью-Йорк таймс» отмечала, что Бюро уточнило прогноз: белые станут меньшинством к 2042 году, их численность сократится до 46 процентов населения в 2050 году, причём среди тех, кому младше восемнадцать лет, эта доля составит всего 38 процентов (интересно, а кто тогда будет «оплачивать» из своих налогов «возмещение вреда», о котором говорят потомки «colored people»? — *Авт.*). Перепись 2010-го подтвердила: конец белой Америки наступит в ближайшие тридцать лет. По оценкам Бюро переписи населения, белое население, без учета выходцев из Латинской Америки, сократится до 50,8% к 2040 году и до 46,3 процента к 2050 году; эта демографическая трансформация — выходцы из Латинской Америки в настоящее время представляют одного из каждых четырех человек моложе восемнадцати, — грозит изменить политическую динамику страны. Так и происходит. Новое надвигается неумолимо...» (B'yukenen, 2016:189-190).

именем Соединенных Штатов Америки, олицетворяющих «западную» модель демократии, «западный» менталитет, «западное» мировоззрение и «западную» исключительность. Причем осуществляя колонизацию чаще всего за свой счет и под свою ответственность (так как преобладали «общинные» формы труда и быта, в том числе обусловленные религиозными догматами) до тех пор, пока не появилась необходимость в привлечении дополнительной дешевой рабочей силы, поэтому ни о каких «colored people» и внеэкономическом принуждении — речь не могла идти а priori: в этом возникла какая-либо «потребность» лишь тогда, когда иссяк приток «белых рабов» в лице ортодоксальных католиков из Ирландии (которых первоначально хотели «заменить» коренным индейским населением, но от этой «затеи» в итоге пришлось отказаться в связи с тем, что по ряду объективных причин оно не оправдало возлагаемых на него надежд)²⁶. Исходя из этого не следует ли современным американцам вставать на колени не только «отдавая дань уважения» потомкам африканских рабов, оплакивая вместе с ними судьбу их предков (при этом было бы целесообразно проверить, обратившись к архивным документам, наличие таковых), но и тем, кто был их непосредственными предшественниками в лице ирландцев — одной из самых многочисленных «диаспор» на настоящий момент? Это было бы как минимум справедливым на фоне «сумасшествия», наблюдаемого в отдельных штатах, связанного с «выплатой долгов» и скопившихся за несколько веков «пеней» и «процентов», которые требуют возместить граждане с темным цветом кожи, в целом обращая свои финансовые претензии не только к англо-протестантской части населения, но и ко всем «белым»²⁷. В данный процесс весьма органично (так сказать, к месту) «вписывается», ставшее одной из «ключевых тем» дня, предложение об альтернативной — «цветной» — версии североамериканской (не исключено, что в самой ближайшей перспективе речь пойдет и о всемирной) истории,

²⁶ См., например: (Redicker, 2021).

²⁷ Пытаясь гипотетически оценить перспективы трансформаций, с которыми в ближайшее время вполне могут столкнуться государства, идентифицирующие себя (вернее, самостоятельно присвоившие эту прерогативу, так как к чему-то подобному их официально никто не обязывал) в качестве «оплота демократии», волей-неволей возникает ощущение какой-то *сюрреалистичности событий*, в той или иной степени обусловленных углублением и расширением системно-институционального кризиса, переживаемого странами, еще совсем недавно считавшимися «примером для подражания», в том числе для народов Африки и Латинской Америки, в полной мере испытавшим, а что такое «белый колониализм» и пресловутое «бремя белого человека». Все более очевидным становится тот факт, что столкновение между «белой» и «цветной» цивилизациями, даже при условии, что каждая из них в той или иной мере является частью того, что входит в понятие «Запад», не только объективный, но и закономерный процесс, с неизбежностью которого придется считаться как заинтересованным в нем «сторонам», так и не заинтересованным. При этом если на предыдущих этапах исторического развития во всех случаях доминантой рассматривался «белый человек» и его социально-экономические, культурные и политические интересы, то к настоящему времени ситуация существенно, а в чем-то кардинальным образом изменилась, в связи с чем акценты сместились в сторону «цветного человека», особенно в тех государствах, в которых «некоренное население» это выходцы из бывших колоний (за исключением Соединенных Штатов, где с этнической и расовой точки зрения коренным населением являются только индейцы, а все остальные — и «цветные», и белые — относятся к категории «некоренных»), получивших независимость, в течение одного или нескольких поколений проживающие на территории своей метрополии. Таким образом, «конфликт интересов» следует ожидать практически в любой момент, особенно со стороны тех, кто, в силу самых разных обстоятельств, не может или не хочет адаптироваться к чуждым (религиозным, нравственным, гендерным, мировоззренческим) ценностям и менталитету.

призванной доказать «сомневающимся», что именно «colored people» являются тем *решающим фактором*, благодаря которому страна со временем стала «оплотом демократии» и «примером для подражания»²⁸.

Во втором случае процесс «редактирования истории» и вымарывания из нее периодов, не соответствующих современным идеологическим тенденциям новых государств, в течение нескольких веков территориально входивших в состав Российской империи и Советского Союза, как правило носит не только *конъюнктурный*, но и подчеркнуто *националистический* характер, «основой» которого — в большей либо меньшей степени — является русофобия и отрицание общего «имперского» и «советского» прошлого, общей исторической судьбы. При этом *руссофобия* приобретает такие масштабы, с которыми приходилось сталкиваться лишь во время *иностранной интервенции* и *военной оккупации*, что не может не вызывать вопросов о причинах крайне негативного отношения к народу, считавшемуся «братским», и совместно с которым были побеждены германский национал-социализм и японский милитаризм. Странно, но, как и в случае с «восстановлением» исторической справедливости и «возмещением вреда», на которых настаивает цветное население Соединенный Штатов, к нам предъявляют аналогичные требования, за небольшим исключением: все те, от кого они «непосредственно» исходят (оказывается, являясь частью Советского Союза и «социалистического содружества», они в течение всего этого периода только и делали, что подвергались национальному *угнетению*, перманентной культурной *экспансии* и языковой *дискриминации*²⁹), не хотят даже говорить о

²⁸ Как отмечает Патрик Бьюкенен, ссылаясь на исследования американских ученых, в частности профессора Сью, «...среди культурных элит распространяется стремление «замаскировать» свою белую идентичность. «Если белая Америка «теряет контроль» и, если будущее принадлежит людям, которые смогут успешно ориентироваться в пострасовом, поликультурном ландшафте, уже не удивляет, что многие белые американцы готовы полностью избавиться от бремени белизны. В самом деле, кто захочет быть причисленным к «глупым белым людям», если вспомнить одноименный бестселлер... Майкла Мура о народе, не обращающем внимания на то, что с ним происходит?.. На следующий день после инаугурации Обамы телеведущий Ларри Кинг озвучил Бобу Вудворду (речь идет об американском журналисте, сделавшем себе имя на расследовании Уотергейтского скандала, авторе политических бестселлеров и лауреате Пулитцеровской премии. — *Авт.*), явно испытывавшему неловкость, тайное желание своего сына: «Моему младшему, Кеннону... восемь. Теперь он говорит, что хотел бы быть чернокожим. Я не шучу. Он сказал, что чернокожим быть прикольно... Профессор Сью приводит примеры в доказательство того, что в нынешней поп-культуре немодно быть белым, а художники стремятся избегать белой идентичности: «Успешные телевизионные шоу... демонстрируют чрезвычайно разнообразный подбор актеров, и целый жанр полчасовой комедии... обыгрывает, как кажется, типаж невежественного белого мужчины. Рынок молодежной продукции действует по той же схеме... Поп-культура сегодня агитирует за этику поликультурного включения, которая ценит все идентичности — кроме белой...» (B'ukenen, 2016:179—180).

²⁹ Классики (как в науке, так и в литературе) потому и являются «классиками», что, написанное ими когда-то по одному конкретному «поводу», может быть использовано, применительно к анализу совершенно другой ситуации или произведения. В качестве примера можно привести небольшой фрагмент из дневниковой записи Л.Н. Толстого, посвященной русской истории в изложении С.М. Соловьева, не утратившей актуальности и «новизны» тех оценок, которыми буквально пестрит научная, учебная и публицистическая литература, где содержится не только конструктивная критика советского периода и его недостатков, но и откровенное очернительство и шельмование всего, что с ним было связано. «...Все, по истории этой, было безобразно в допетровской России (аналогия — Советском Союзе. — *Авт.*): жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... дальше правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, — пишет автор великого русского романа «Война и мир», — что

том, что и с них, в свою очередь, так же причитаются определенные «долги» в виде территории, недвижимости и имущества других государств, *de jure* или *de facto* «доставшихся» им в результате соответствующих договоров и тайных протоколов к ним. Однако с их точки зрения они никому и ничего не должны, исходя из этого, *целенаправленно «переписывая историю»*, справедливым во всех случаях рассматривается лишь то, что правящие «компрадорские элиты» этих государств считают «справедливым» исключительно для себя, особенно если это относится к претензиям бывшего «братского» народа.

Иными словами, если требуют у нас — это демократия, если просим мы — это тоталитаризм, если «цветное» население уничтожает государственную или частную собственность, «занимается» мародерством и осуществляет массовые акты вандализма в отношении исторических памятников и монументов — это демократия, «реализация прав и свобод», закрепленных в одной из поправок к действующей Конституции, если по центральной улице столицы маршируют члены пресловутых «добровольческих батальонов» — это демократия, однако если внуки ветеранов войны участвуют в шествии «бессмертного полка» — это охлократия и «сталинизм». Таким образом, налицо *двойные стандарты*, что и вынудило главу государства в очередной раз обратиться на это внимание в одной из своих публикаций, что нашло поддержку со стороны большинства граждан нашей страны, одновременно вызвав истерику и бурю негодования у потомков «лесных братьев» и других «борцов» за свободу и независимость, активистов движений за права цветных, сексуальных, гендерных и прочих «меньшинств», исповедующих толерантность, мультикультурализм и так называемые «новые ценности», примкнувших к ним, «родителей номер один» и «родителей номер два». Речь идет, ни много ни мало, о «конфликте цивилизаций», от скорейшего разрешения которого во многом зависит не просто поступательное движение вперед каждой из них, но и вопрос о том³⁰, *смогут ли они в перспективе* (пусть

рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю. Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ?.. Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции и Польше?..»). Цит. по: *Фроянов И.Я.* Нашествие на русскую историю. СПб: Русская коллекция, 2020. С. 5—6. Как говорится, возразить нечего, хотя и «негатива» в нашей истории предостаточно.

³⁰ Как бы по инерции продолжая по-прежнему рассматривать исключительно себя квинтэссенцией того, с чем непосредственно ассоциируется «западная» модель демократии, Соединенные Штаты, видимо, «проглядели» тот момент, начиная с которого стало возможным говорить о системно-институциональном кризисе, в большей или меньшей степени поразившим как «базис» (даже при условии относительного благополучия в кредитно-финансовой области и сфере реальной экономике), так и политическую «надстройку» (несмотря на гендерные и прочие метаморфозы частнопроводного характера, *de facto* по существу кардинальным образом повлиявшим на изменение «политического ландшафта»), что не может не свидетельствовать о наличии более глубоких противоречий, чем те, с которыми сталкиваются государство и общество.

Вопрос практически стоит о фундаментальных трансформациях тех «основ», с которыми в течение нескольких веков (вплоть до режима сегрегации, действовавшего до середины XX столетия) была связана «американская национальная идентичность», меняющаяся в итоге, и не представляющая собой то же самое, что и некоторое время назад. «Белизна кожи более не является признаком «доминирующего

отдаленной) *существовать*, преодолев столь фундаментальные противоречия, не отторгая, а дополняя друг друга. Как правило, не имея никаких оснований, даже косвенных, то одна страна «коллективного Запада», то другая, апеллируя к нормам международного права (о котором никогда не вспоминают, если это им не выгодно), предъявляют в наш адрес претензии, вызванные нарушением «чьих-то» прав или свобод, совершенно забывая о своем «возмущении», если «виновником» этого является тот, кто позиционирует себя в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания», от чего имеющий место конфликт — *еще больше углубляется*, о чем и свидетельствует политизация истории.

Следует признать, что проблема «редактирования» актуализируется при условии, когда правящие элиты, волей случая (самостоятельно либо при чьей-то поддержке) получившие власть, внушают себе, а затем и населению страны мысль об «исключительности» и «пассионарности» определенного народа или этноса, «древности» и «историчности» государства, созданного им «несколько тысячелетий назад», и внесшего решающий вклад в становление и развитие не только человечества, но и таких феноменов, как религия, культура, разделение труда, невзирая на комичность ситуации, возникающей из утверждений такого рода. Наиболее «преуспевает» в этом правящий класс сравнительно недавно — несколько десятилетий назад — появившихся на современной политической карте государств, которых (используя терминологию, применявшуюся когда-то в отношении стран, освободившихся от колониальной зависимости, хотя и получивших независимость, но по-прежнему продолжавших экономически и политически зависеть либо от «метрополии», либо от кого-то другого) нельзя назвать иначе, как «компрадорский» (от испанского «comprar» — покупать). Его практически всегда отличает одна *особенность*: во всех случаях, когда ничего не получается в тех областях общественных отношений, которые прямо либо косвенно связаны с повышением уровня благосостояния населения, тем более, если в «наследство» от бывшей метрополии достались очень «лакомые куски» в виде

класса» (скорее надо говорить о сегрегации белого населения, все чаще проигрывающего «конкуренцию» представителям «цветного», гендерного и сексуально нетрадиционного сегментов общества. — *Авт.*), расовая принадлежность также утрачивает значение (если не считать белого нативизма), англо-протестантской культуре бросают вызов испанизация и мультикультурализм, — в этих условиях вера (однако даже она в ряде некоторых штатов, к сожалению, уже не в состоянии полноценно противодействовать «новым» гендерным и прочим ценностям. — *Авт.*) остается единственным источником национальной идентичности для большинства американцев. Именно вера сформировала американскую идентичность в эпоху революции и оставалась ключевым элементом идентичности на протяжении всей истории Соединенных Штатов. В двадцатом столетии ее значимость еще более усилилось благодаря двум факторам. Во-первых, вследствие обеспечения расовой и этнической принадлежности и непрекращающихся нападков на англо-протестантскую культуру, вера единственная из четырех важнейших элементов американской идентичности сохранила свои позиции в обществе (совершенно не понятно и трудно объяснимо, как тогда вера, а протестантизм не отрицает того, что брак представляет собой не что иное, как союз мужчины и женщины, относится к гомосексуализму как одному из библейских грехов и однополым бракам, десяткам гендеров, смене пола подростками? — *Авт.*). Во-вторых, вера приобрела статус, сравнимый с ее статусом в эпоху революции, как отличительная особенность американской идеологии... Поэтому многие американцы считают, что национальная идентичность должна определяться исключительно верой и что при условии такого определения сложится «гражданское общество» (из этого следует, что его до сих пор нет? — *Авт.*), отличающееся от других, в которых идентичности определяются через расовую и этническую принадлежность, культуру, религию или «наследственность» (Khantington, 2018:444-445).

соответствующих регионов, используется весьма эффективное средство в форме шельмования и очернения общего политико-правового прошлого, с одновременным «придумыванием» собственной, *эксклюзивной* (так как о ней нет ни слова в письменных источниках, литературных памятниках, апокрифах и официальных документах, введенных в научно-исследовательский оборот и доступных для глубокого анализа) *версии цивилизационного развития*, которая не выдерживает никакой, даже самой снисходительной критики. Цель всегда, по существу, одна — отвлечь внимание от насущных проблем и «продать» себя (а заодно и свою страну) как можно дороже. Именно поэтому правящая элита таких государств и называется «компрадорской» (указанный термин не имеет отношение к юриспруденции и носит чисто политологический подтекст). Как никто другой, подобный «политический класс» заинтересован в новой версии истории, способной поднять дух нации, особенно на стадии ее формирования, акцентируя внимание на наиболее низменных чувствах определенной части населения, испытывающей комплекс неполноценности, и способной на любые противоправные действия для его преодоления, вплоть до террористических. И первое, что они делают, *возводят в абсолют* свою «местечковую» историю, со всеми вытекающими последствиями, придавая ей значимость «вселенского масштаба», не обращая внимания ни на критику ученых, ни на бросающуюся в глаза откровенную нелепость или фальшивость обобщений и выводов³¹.

Лишь на первый взгляд может показаться, что процесс «переписывания истории» носит хаотичный и ничем не обусловленный характер, основанный на стремлении одного или нескольких сегментов общества доказать всем тем, с кем когда-то ассоциировались такие устаревшие социально-экономические (и производные от них) понятия, как класс, сословие, страта, «эксклюзивность» своего общественного статуса и совокупности прав и свобод, диссонирующих с традиционным представлением о том, по каким критериям и признакам раса, этнос или гендер, составляющие население страны, отличаются не только друг от друга, но и от тех, кто является гражданами или подданными другой страны. Например, когда одна часть общества буквально «с пеной у рта» поддерживает лозунг «жизнь черных имеет значение», вынуждая другую вставать на колени, демонстративно игнорируя тот факт, что и их жизнь *«также не менее важна»*, когда нацисты разрушают и оскверняют памятники тех, кто в свое время так и не сумел «добить гадину», целенаправленно принимавшую участие в геноциде собственного народа, возникает ощущение, что все это происходит отнюдь не случайно, несмотря на требования и участников подобных мероприятий. Идет процесс, «главные» и «второстепенные» роли которого, вероятнее всего, четко *распределены* (мы не имеем в виду какую-либо из «теорий заговора»): кто-то «заказывает музыку», кто-то «пишет сценарий», кто-то «занимается кастингом актеров»,

³¹ Причем «местечковость» проявляется во многом, в том числе в стремлении придать такой вес и значимость определенной группе населения, которого она не заслуживает а priori, тем не менее они «раздуваются» как «мыльный пузырь» до таких масштабов, что люди, плохо знакомые с характером и спецификой исторического процесса (в первую очередь речь идет о молодом поколении, ничем не интересующемся и все отторгающем), начинают думать, что было «именно так», как написано в современном учебнике или показано в каком-либо фильме, воспевающих «великое прошлое» и прославляющих «великих национальных героев», боровшихся за свободу и независимость «великой страны».

среди которых важнейшее место принадлежит *идеологии* и тем, кто ее научно разрабатывает и популяризирует. Яркий пример — «великие укры» и все, что с ними связано, или «родитель номер один» и «родитель номер два»: и в первом, и во втором случае письменные источники (летописи и Библия) о чем-то «подобном» либо не содержат никакой информации, даже косвенной, либо характеризуют в качестве одного из самых тяжких грехов. Не исключено, что в перспективе древнерусское летописное наследие будет признано не чем иным, как «москальской пропагандой», и уничтожено, а Ветхий и Новый Завет (если их не отправят на костер представители «новой» интерпретации понятия вины и ее последствий) сначала сданы на хранение в «архив», а затем вообще выведены — за ненадобностью — из свободного обращения. Несомненно, кто-то из оппонентов («справа» или «слева») возразит, прежде всего мотивируя тем, что «здорового» в обществе намного больше, чем «нездорового», срабатывает в нужный момент «коллективный иммунитет», поэтому сценарии такого рода чаще всего обречены на провал (имея в виду тот факт, что человечеству в его истории приходилось уже сталкиваться, причем неоднократно, и с рецидивами «сексуальных революций», и с различными по характеру проявлениями ереси, святотатства и богоборчества). Будем надеяться, что и на этот раз «болезнь», невзирая ни на что, *не зайдет слишком далеко*, «поразив» системообразующие элементы «социального организма», без четкой и ритмичной работы которых цивилизация неизбежно обречена на стагнацию и регресс, а затем — крах³².

³² При всей парадоксальности предположений, высказанных ранее, одной из проблем, с которой сталкивается научное сообщество, является необходимость качественно нового взгляда на толкование общепринятых в истории и теории государства и права терминов и определений, многие из которых достаточно «архаичные» и насчитывают несколько тысячелетий (в худшем случае столетий). В первую очередь к ним относятся такие понятия, как «демократия», «свобода» и «равенство», современная интерпретация которых принципиальным образом не отличается от того, что под ними подразумевали античные философы или просветители периода буржуазно-либеральных революций. Во многом кризис гуманитарных наук проявляется в том, что мы до сих пор относимся к дефинициям, сформулированным Платоном, Аристотелем или Цицероном, как к своего рода «священным коровам», не предпринимая попыток в них что-нибудь изменить, исходя из «требований дня». В этой связи нельзя не признать, что существенная роль в толковании принадлежит судьям, особенно в тех странах англосаксонской системы, где сильны традиции прецедентного права.

На указанный факт обращают внимание многие авторы консервативного направления, в частности Патрик Бьюкенен: «Вердиктом по делу «Бейкер против Карра» (имеется в виду судебное решение 1962 года, согласно которому «электоральная география», связанная с определением границ избирательных округов, относится к исключительным полномочиям судебных органов, то есть может рассматриваться в федеральных судах, в то время, как истцы по этому делу утверждали, что это вопрос, относящийся к политической сфере отношений, вообще не подлежащий судебной юрисдикции. — *Авт.*) Верховный суд запретил всем штатам формировать законодательные собрания по образцу конгресса и обязал обеспечивать представительство соответственно численности населения. Цель проста: демократия по принципу «один человек — один голос», которую отвергли наши отцы-основатели, предоставив Делавэру и Род-Айленду столько же мест в Сенате, сколько Массачусетсу и Виргинии. Во имя равенства Верховный суд признал гомосексуализм конституционным правом. Вон Уокер, федеральный судья-гей из Сан-Франциско, постановил, что однополые браки гарантированы Четырнадцатой поправкой (на наш взгляд, очень странная точка зрения: Раздел 2. «... если при проведении выборов... в праве голоса будет отказано кому-либо из жителей мужского пола штата, достигших двадцати одного года и являющихся гражданами Соединенных Штатов, либо это право будет ограничено по каким-либо основаниям, за исключением участия в восстании или ином преступлении...»). — *Авт.*) Может кто-нибудь поверить, — задается справедливым вопросом автор, — чтобы столь абсурдное толкование равенства предполагалось конгрессом, который принимал (была ратифицирована штатами

Что такое «цивилизационный тупик» и можно ли из него выйти?

Когда речь идет о стагнации и регрессе это, к сожалению, не фигура речи или гипербола, которую используют компаративист и историк государства и права при оценке сложившейся ситуации с целью преднамеренного «сгущения красок». Проблема намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и от того, к каким выводам придет исследователь в результате своего анализа, будет зависеть «методика лечения» заболевания, поразившего либо общество в целом, либо его отдельные сегменты. Особенно в том случае, если рецепт на получение лекарства будет выписывать не квалифицированный «врач» в лице ученого, специализирующегося в конкретной сфере социальных отношений, а непосредственно «больной», *дилетантизм* которого вполне очевиден. Только слепой или заинтересованный в негативных результатах человек не может не видеть того, что происходит в самых разных областях взаимодействия друг с другом государства, общества, граждан, их объединений, антагонизм которого все более отчетливо начинает проявлять себя даже там, где о чем-то подобном некоторое время назад можно было рассуждать лишь чисто гипотетически, не задумываясь о последствиях и их характере. По целому ряду как объективных, так и субъективных причин высказанное замечание имеет прямое отношение к кризису гуманитарных дисциплин, масштабы которого еще недавно мало кто из ученых мог с уверенностью предсказать, в связи с чем ему не придавалось особого, тем более катастрофического или экстраординарного значения³³.

9 июля 1868 года. — *Авт.*) Четырнадцатую поправку? Хотя на референдумах против однополых браков высказалось население тридцати одного штата, судьи продолжают заявлять, что подобные союзы являются законными. Идея равенства, отвергнутая демократическими избирателями, навязывается тиранически... Прикидывая, сколько чиновников в федеральных, местных и муниципальных структурах, в колледжах и корпорациях трудятся, чтобы обеспечить пропорциональное представительство рас, этнических групп и полов, несложно заметить, что *равенство и свобода находятся в состоянии войны*, и догадаться, почему Америка терпит поражение. Погоня за расовым, гендерным, этническим и экономическим равенством является утопией. Представьте себе, что правящий режим стремится к абсолютному равенству, конфискуя все имущество и богатство и перераспределяя его в равных долях. Как долго это будет продолжаться, прежде чем наиболее способные и агрессивные граждане присвоят это богатство? Конфискацию и перераспределение придется начинать заново...» (Vuukonen, 2016:296—297).

³³ Как констатирует известный исследователь, «... Америка может быть мультиэтнической и мультирасовой, может не иметь стержневой культуры, но оставаться при этом единой, поскольку американцев объединяет приверженность вере. Но так ли это на самом деле? Может ли идентичность нации определяться только политической идеологией (которую, по словам цитируемого автора, противопоставляют «мировоззрению немецких, японских, и советских врагов» Соединенных Штатов. — *Авт.*)? Мы вынуждены ответить на этот вопрос отрицательно: кредо само по себе еще не создает нацию. Исторически (при этом каждый раз следует иметь в виду о каком периоде идет речь, так как трудно воспринимать «colored people» до отмены рабства в 1865 году или индейцев, территориально локализованных в границах своих резерваций, до XX века не обладавшие практически никакими правами и свободами, составными элементами института национальной идентичности, с формальной точки зрения ничем не отличающимися от англо-протестантской культуры, не говоря уже о всех прочих канонических и неканонических конфессиях. — *Авт.*) американская национальная идентичность определялась религией, расовыми и этническими признаками и культурой вкуче с «американским кредо». Превращение этого кредо в единственный источник (а как же быть в том случае, если государство носит теократический характер? — *Авт.*) идентичности означает принципиальный разрыв с прошлым страны. Вдобавок многие нации в истории человечества обрели идентичность исключительно благодаря идеологии или комплексу политических принципов. Наиболее показательные примеры из современной истории — коммунистические государства, в которых идеология использовалась для объединения представителей

Осознанно или неосознанно отдавая предпочтение экспертному анализу (к сожалению, не всегда объективному) представителей «западного» научного сообщества, *не испытывшего на себе влияния «единственно верного учения»*, мы поверили в выводы о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы и ему подобных авторов, совершенно не задумываясь об их *идеологической составляющей*, в той или иной степени призванной внушить нам «комплекс неполноценности» и «второсортности» того, что являлось предметом и объектом исследований в области гуманитарных дисциплин в течение всего советского периода (совсем иначе воспринимая отдельные достижения второй половины XIX — начала XX в.), в том числе в таких научных сферах, как сравнительное правоведение, теория и история государства и права. Имея в активе очень мощную историко-правовую

различных национальностей и культур, как было в СССР, Югославии и Чехословакии, или для разделения некогда единого народа, как произошло в Германии и в Корее. Когда же коммунистическая идеология утратила свое значение, а необходимость ее поддержания исчезла с окончанием «холодной войны», все перечисленные выше страны, кроме Северной Кореи, исчезли с политической карты земного шара и уступила свое место странам, определяющим свою идентичность через этническую принадлежность и культуру. Принципы «американского кредо» — свобода, равенство, демократия, гражданские права, отсутствие дискриминации и торжество закона — являются своего рода маркерами (к ним можно отнести массовые погромы, в том числе офисов судов и полицейских участков, и грабежи со стороны чернокожего населения, имевшие место весной и летом 2020 года, или «попытку проникновения» в здание Конгресса 6 января 2021 года, когда в первом случае никто не был привлечен к ответственности, а во втором — были возбуждены уголовные дела в отношении более пятисот человек, в основном граждан с белым цветом кожи? — *Авт.*) базовыми элементами конструкции общества. Некоторые... утверждают, что американское кредо — комплекс политических принципов, применимых к любой стране и любому народу. Если бы это и вправду было так, кредо не могло бы служить важнейшим элементом американской национальной идентичности. И в девятнадцатом столетии, когда Америка была едва ли не единственной демократией в мире (в которой, правда, в течение многих лет существовали рабовладение и торговля людьми, миллионом рабов владели представители самых разных конфессий, а женщины были поражены в избирательных правах. — *Авт.*), и в столетии двадцатом (до второй половины которого в стране действовал режим расовой сегрегации. — *Авт.*), когда Америка стала лидером «свободного мира», принципы американского кредо оставались основой американской идентичности. Сегодня демократия во множестве форм распространилась во множестве стран (спрашивается, зачем тогда Соединенные Штаты навязывают всем «свое» представление о том, что такое «демократия», каким критериям и требованиям она должна «соответствовать», какие государства и народы могут считаться «демократическими», а какие автократиями? — *Авт.*), сегодня у нее не существует сколько-нибудь серьезной секулярной альтернативы...)» (Khantington, 2018:446—447).

С учетом сказанного как бы сам собой возникает вопрос: если цивилизации могут носить и нередко носят альтернативный характер, так почему демократический политический режим, существующий в какой-либо стране, не должен быть альтернативным и отличаться — в большей или меньшей степени — от тех шаблонов и стереотипов, с которыми ассоциируется «западный» (читай — англосаксонский) вариант «демократии» и возведенные в абсолют права и свободы человека, одним из важнейших элементов которых в настоящее время рассматриваются однополые браки и гендерное «разнообразие», расцветающие как грибы после дождя, и формально не ограниченные ничем, в том числе библейским понятием «грехопадения»? Вопрос, как говорится, весьма риторический. Как представляется, «демократия», помимо соответствующих институтов и процедур, это когда государство, где «систему ценностей» составляют самобытные социальные, брачно-семейные и иные национальные традиции, *de facto* не отвечающие нормам и критериям, принятым у другого государства, по каким-то причинам взявшим на себя «обязанность» навязывать их тем народам и этносам, которые этого не хотят (особенно тем, кто их не примет ни при каких условиях), крайне отрицательно относясь к правам и свободам, считающимся в «порядке вещей» у государства, рассматривающего себя «примером для подражания» и «оплотом демократии», пытается всеми доступными способами отстаивать собственный суверенитет и независимость. Другими словами, демократический политический режим *de facto* представляет собой систему общественных отношений, при которой никто никому ничего не «предписывает» и не «рекомендует», особенно с использованием каких-то санкционных или карательных механизмов.

школу, многие представители которой составили бы честь любому государству, либерально настроенная часть академического сообщества, судя по всему, уже давно не разделявшая «господствующей идеологии», поверила обобщениям американского футуролога об окончательной победе «западной» модели демократии, что, по всей видимости, и сыграло злую шутку с теми, кто посчитал нецелесообразным заниматься концепцией развития общественных процессов при переходе от одной политической системы к другой. Парадокс, объяснить который еще только предстоит, проявляется в том, что возникший в результате этого вакуум не посчитали необходимым чем-либо «заполнить», полагая, что публично провозглашенный «конец истории» носит объективный и по целому ряду критериев необратимый характер, что, на наш взгляд, было с научной точки зрения неверным *a priori*. Не исключено, что, не найдя ничего лучшего, вместо качественно новой модели демократии обществу предложили некий «суррогат», основанный на гипертрофированной *абсолютизации* прав и свобод человека, в контексте отказа от «традиционных» и переходе к «новым» ценностям, базирующимся на идеях толерантности и мультикультурализма, в центре которых находится не абстрактное «общество», а конкретное расовое, этническое, гендерное, сексуальное, любое иное «меньшинство», обладающее эксклюзивным статусом. Именно в этом и следовало искать «конец истории», а не в крахе коммунистической идеологии и политической системы советского образца, в течение чуть менее семидесяти лет составлявшей (причем по ряду аспектов, в первую очередь — в социальной сфере, доступности образования и здравоохранения, решении национального и женского вопроса, существенным образом доминируя) конкуренцию «западной» модели демократии, о которой, *если тенденции последнего времени продолжатся и далее*, вероятнее всего, в краткосрочной перспективе придется говорить (правда, если к этому времени свобода слова еще сохранится в своем «первоначальном» значении) не иначе, как о чем-то, ушедшем (или вернувшемся назад) в прошлое.

В этой связи не может не удивлять тот факт, что термином «демократия» обозначается теперь все, что угодно, в том числе «либеральный экстремизм» (иногда приходится слышать и более жесткую формулировку — «либеральный фашизм»), представляющий собой крайнюю форму индивидуализации прав и свобод всевозможных «меньшинств» в контексте перманентного остракизма тех групп населения, которые придерживаются традиционных ценностей как в области «гендерной идентичности», так и брачно-семейных отношений (без учета их полигамности или моногамности), в течение многих лет считавшихся чем-то безальтернативным, непререкаемым с морально-этической и правовой точки зрения. Нельзя не констатировать, что «мораль» и «право», исходя из публичных или общественных целей и задач, для которых они предназначены, относятся к категории феноменов *консервативного* характера, поэтому крайне трудно отделаться от мысли, что в настоящий момент они не только находятся в состоянии кризиса, в рамках которого им придается новая социальная роль, но и постепенно утрачивают значение поведенческих регуляторов, благодаря которым нормативно соизмеряются и легитимируются действия государства, общества и граждан. Если в основе «классической» демократии находится не что иное, как

интересы «большинства», с учетом мнения «меньшинства», то в современном понимании демократии доминантой является «меньшинство» в совокупности с другими «меньшинствами», при этом мнение «большинства» (при условии, что суммарно оно не представляет собой конгломерат все тех же «меньшинств») может быть в целом либо частично проигнорировано, если расовое, этническое, гендерное, сексуальное и любое другое «меньшинство» посчитает это необходимым или целесообразным. «Либеральный фашизм»³⁴ как разновидность тоталитаризма а priori ничем не отличается от какой-либо теории или концепции, основанной на исключительности «кого-то» или «чего-то», будь то класс, сословие, пол, цвет кожи, религия или ориентация человека, так как дискриминации (причем в самых разных сферах отношений) подлежат все, кто не соответствует определенным шаблонам, штампам или стандартам, вытекающим из толерантного мультикультурализма, и свидетельствующим о чьей-то исключительности, поэтому «черный» шовинизм по существу мало в чем отличается от «белого», а нередко его даже превосходит. Однако на такие «мелочи» стараются не обращать внимание, от чего ситуация становится еще более непредсказуемой с точки зрения «окончательного решения» (если такое в принципе вообще возможно) «расового» вопроса. К сожалению, приходится в очередной раз акцентировать внимание на вполне очевидный факт, что, если какая-либо «проблема», длительное время существующая в обществе, не была отправлена в «архив» в тот момент, когда для этого созрели предпосылки, она вообще не будет решена в полном объеме, так как ее «рецидивы» будут давать о себе знать при всяком удобном случае, провоцируя очередной социальный и системно-институциональный кризис, результаты которого станут все труднее не только предугадывать, но и пытаться каким-то образом предотвратить»³⁵.

³⁴ Безусловно, к терминам, вводимым в последние годы в научный и публицистический оборот, относиться следует предельно осторожно, так как многие слова, которые в них входят, имеют определенную смысловую коннотацию и вариативное восприятие со стороны различных групп населения. Тем не менее, как бы в итоге не именовался какой-либо деструктивный процесс, его тоталитарная сущность остается неизменной.

³⁵ Говоря о «толерантном мультикультурализме», есть смысл подтвердить сказанное словами американских ученых, которые еще до событий весны и лета 2020 года предупреждали о том, что ситуация становится все более критичной. Например, в рамках своего анализа Патрик Бьюкенен приводит цитату из работы Готфрида Пола (*Paul Gottfried. Multiculturalist International /Orbis. 2002, fpri.org/orbis*), который, в частности, отмечает: «... Мультикультуралисты без умолку трещат о толерантности, но не каждый может быть носителем этих гражданских и культурных прав. Те, кто обладает статусом жертвы в силу принадлежности к конкретной группе, имеет преимущественные права на самоопределение, в то время как тем, чья группа ассоциируется с репрессиями, например, белым южанам в Америке, запрещается гордиться общим прошлым». Примерно об этом же пишет Сэм Фрэнсис (*Samuel Francis. The Other Face of Multiculturalism /Chronicles. April 1998*), также упоминаемый автором, утверждая, что «...мультикультурализм, подобно эгалитаризму, был преднамеренной интервенцией, посредством которой властолюбивые способны уничтожить культуру, чей моральный кодекс в силах не допустить их к власти, и создать альтернативную культуру, чей моральный кодекс позволяет на эту власть претендовать». Комментируя процитированный выше фрагмент, Патрик Бьюкенен в свою очередь подчеркивает: «Наши культурные элиты отождествляют себя с теми, кто призывает к свержению былого христианского порядка — с воинствующими этническими группами, феминистками, атеистами, — предвидя, что эти группы приведут их к власти. Они преуспевают. Традиционная христианская культура изгоняется из храмов нашей цивилизации...». «Навязывая многообразие», как идеал и реальную практику, посредством позитивных действий, принудительной интеграции, массовой иммиграции и мультикультурализма, как писал Фрэнсис, «доминирующая культура обрекает на гибель...

Исходя из того, что процесс «дряхления» демократии «западного» типа³⁶ ощущается все отчетливее, пришло, видимо, время поставить вопрос о *новой правовой идеологии*, целью и основной задачей которой будет формирование представления о том, *чем должны быть* «право» и «мораль» на современном этапе цивилизационного развития. Вопрос не только чрезвычайно непростой в научно-теоретическом смысле слова, прежде всего с учетом тех «кризисных явлений», которыми *de facto* характеризуется современное состояние целого ряда гуманитарных дисциплин, но и фундаментальный по своим последствиям и возможным «результатам», так как учесть интересы всех заинтересованных сторон, особенно тех, кто считает свой статус чем-то «эксклюзивным» (спектр желающих его получить трудно предугадать, даже гипотетически), отличным от остальных, не менее «своеобразных» и «специфичных», с точки зрения той части общества, которая предпочитает рассматривать себя исключительно в контексте традиционных ценностей, конституционных прав и свобод, будет *во много раз сложнее*, чем обычно. В этом же ряду стоит проблема радикального реформирования и модернизации политического режима, системообразующие институты которого не всегда и адекватным образом отвечают «требованиям» дня³⁷, а какие-то не только *устарели*, но и *тормозят* движение вперед. В связи с чем противодействие со стороны правящих элит будет беспрецедентным.

Интересно, какой из векторов будет выбран — в направлении подлинного *народовластия* или *автократии* с элементами охлократии и тоталитаризма? К сожалению, этого не знает никто, поэтому можно только «гадать на кофейной гуще» либо, используя в том числе исторические аналогии, предполагать один из альтернативных вариантов с поправкой на современное состояние «базиса» и «надстройки», которые — где-то больше, а где-то меньше — необходимо будет

традиционную культуру и делает дальнейшее существование последней невозможным... Ослабление семьи, эрозия общества, инверсия сексуальной морали и прочие олицетворения упадка... являются симптомами заката традиционной культуры... также они могут считаться признаками торжества господствующей культуры, которая распространяет их, в худшем случае, как незначительные раздражители, а в лучшем случае — как свидетельства грядущего освобождения от традиционных ограничений и неизбежного поражения противника, то есть традиционной культуры...» (V'yukenen, 2016:369—370, 376).

³⁶ Нет смысла отрицать тот факт, что многие причины стагнации и регресса, переживаемого демократией и ее институтами, своими корнями уходят в период буржуазно-либеральных революций, политико-юридическим оформлением которых являлись первые учредительные акты конституционного характера, обладавшие одним общим качеством — декларативностью большинства своих положений, являвшихся не чем иным, как нормами-целями. Другими словами, права и свободы, о которых в них шла речь, еще только планировалось тем или иным образом реализовать. Чтобы не быть голословными, процитируем одного из американских авторов: «...Конституция и Билль о правах являются основополагающими документами республики и исходными текстами американского союза. Слова «равенство» не найти ни в одном из них. Как и слова «демократия». Могут ли вышеназванные идеалы быть целями, ради которых создавались Соединенные Штаты, если они даже не упоминаются в «учредительных» документах страны?..» (V'yukenen, 2016:273). Видимо, по этой причине женщины (и белые, и цветные) получили избирательные права только через сто тридцать три года после принятия Конституции 1787 года?!

³⁷ Причем, среди американской правящей элиты это признается уже достаточно давно. Например, избранный в 2010 году губернатором штата Калифорния Джерри Браун, характеризовал ситуацию следующим образом: «... Мы близимся к гражданскому раздору, и я бы не стал умалять риски для нашей страны и нашей нации... Мы столкнулись... с кризисом управления (через десять лет он стал еще более масштабным и системным. *Авт.*) Легитимность наших глубоко демократических институтов поставлена под сомнение». См.: *Jerry Brown. California, Country Facing Regime Crisis Similar to the Civil War* /CBS. April 10. 2011.

привести в некое «соответствие», с одной стороны, исходя из коллективных и индивидуальных «правил поведения» субъектов публичных и общественных отношений, сформулированных в рамках новой правовой идеологии, с другой стороны, четко обозначив своего рода «красные линии» ничем не оправданной абсолютизации прав и свобод человека³⁸. В противном случае (и *этого нельзя исключать полностью*) может возникнуть вопрос, причем не гипотетический, так как примеров — более чем достаточно, о существовании цивилизации в ее «западном» варианте. Напомним, что «варваризация», с которой столкнулась в свое время Римская империя (вернее, ее «западная» часть), в итоге отбросила Европу на несколько веков назад в экономическом, социальном и культурном развитии (недаром этот исторический период известен как «темные века»), на фоне того, что из себя представляла ее «восточная» составляющая, служившая для многих государств «примером для подражания», в частности, правовой и политической системами, и уничтоженная тем же «западом» в лице Святого престола, крестоносцев, венецианских или флорентийских банкиров и купцов. Кто-то скажет, что «сравнения» подобного рода — не совсем корректны, так как речь идет о совершенно разных по целям и задачам тенденциях, тем более что итогом «варваризации» и последовавшим за этим процессом «конвергенции» римских и германских элементов стал приход «эпохи Возрождения», на смену которой позднее пришла «эпоха Просвещения», заложившие основы будущих преобразований, ассоциируемых с либерализмом и демократией. Однако, как нам кажется, исторические аналогии и параллели затем и необходимы, чтобы не «наступать» на одни и те же «грабли» и не повторять тех ошибок, которые были совершены когда-то в угоду «своим» либо «чужим» интересам. В этом отношении прошлое должно быть «наставником» для настоящего, поэтому тот народ (непосредственно как «источник» и «носитель» власти или делегируя такого рода «деятельность» политической элите и ее ближайшему окружению в лице чиновников от науки), который «редактирует историю», оказывает себе «медвежьую услугу»³⁹.

³⁸ Кто-то может возразить, что никакой «гипертрофированной абсолютизации» в целом не наблюдается, так как, якобы, идет динамичный и поэтапный процесс «выравнивания» правового положения различных групп населения и сегментов общества, дифференциация которых по-прежнему имеет место в самых разных сферах отношений, начиная со службы в армии и заканчивая спортивными соревнованиями. Что абсурдно а priori и с моральной, и с этической, и с физиологической точки зрения: мужчина, вдруг «ощутивший» себя женщиной, не может лишь на этом основании участвовать в женских соревнованиях или пользоваться женским туалетом и общественной раздевалкой. Конституционные права, свободы и обязанности человека, «сменившего» свою половую принадлежность, остаются неизменными, в том числе, в области политических отношений, поэтому все большее число граждан, идентифицирующих себя с тем или иным «меньшинством», становятся членами представительных, исполнительных и судебных органов, причем тенденции подобного рода проявляют себя все более отчетливо. Главное, чтобы права и свободы тех, кто придерживается традиционных ценностей, при этом не ущемлялись и не ограничивались. В этом случае мы вновь столкнемся с проблемой равноправия.

³⁹ Как ни странно на первый взгляд, но «редактированием истории» предпочитают заниматься в тех странах, где государственность (в первую очередь суверенная, а не октроированная) насчитывает лишь каких-нибудь несколько десятилетий, как на «незалежной Украине», или — не превышая «возраста» некоторых московских театров, как в Соединенных Штатах. Если говорить о «Граде на холме», то в его официальной версии истории, отраженной в том числе в школьных учебниках и научных монографиях, мы практически не найдем страниц, *повествующих о геноциде* коренного местного населения, в результате которого были — в своей основной массе преимущественно насильственным образом —

Возможно, что у «оппонентов» высказанная авторская точка зрения не вызовет в итоге никакой эмоциональной реакции, тем не менее факт остается фактом: фальсификация прошлого и настоящего идет полным ходом.

Заключение

Как бы сам собой возникает вопрос о том (не исключено, что кому-то он покажется неуместным и даже провокационным), что же представляет собой демократия в практическом смысле слова, применительно к реалиям XXI в., а не в коннотации, доминантами которой являются *политическая демагогия* и *социальный утопизм*, опирающиеся на теории, сформулированные античными философами, взявшими в качестве примера опыт небольших по территории и числу лично свободного населения рабовладельческих городов-государств, получившими дальнейшее доктринальное обоснование в трактатах светских и религиозных мыслителей позднего Средневековья и Нового времени, ставших в итоге фундаментальной основой актов учредительного характера периода буржуазно-либеральных революций и конституций стран, освободившихся от колониальной зависимости? Имеет ли смысл говорить в таком случае о какой-либо преимуществах или перед нами всего лишь «исторические феномены», которых объединяет «общее название», перешедшее от одного политического режима к другому, и обозначающее «власть народа», особенно если учитывать соотношение таких базовых категорий, как «равенство» и «равноправие», в их правовом и социальном значении? Иными словами, есть ли у компаративиста и историка государства и права основания, проводя параллели и сравнивая их, ставить знак тождества между понятиями «*демократия*» и «*народовластие*», не с точки зрения буквального перевода с одного языка на другой, а в значении таких системообразующих институтов как *власть*, ее *источники* и *носители*? Наконец, как взаимодействуют политический режим и форма правления, как они соотносятся с учетом особенностей и специфики государственного строя, тенденций генезиса, развития, стагнации и упадка в рамках соответствующих этапов исторического процесса? Вот приблизительный перечень вопросов, без ответа на которые исследователю будет сложно определить — синонимичны *de facto* демократия и народовластие или это не более, чем игра слов⁴⁰.

уничтожены несколько миллионов индейцев, а десятки племен полностью перестали существовать, тем самым предоставив европейским переселенцам возможность колонизировать их территории. Не меньше пробелов связано с решением «расового» и «женского» вопросов, не говоря уже о том, как протекал процесс подготовки, принятия и ратификации «Статей конфедерации» и действующей Конституции 1787 года, в тексте которых не нашлось места ни для главы, ни даже для раздела, посвященных правам и свободам человека, которые были актуализированы лишь с вступлением в силу первых десяти поправок к федеральному учредительному акту, известных как «Билль о правах» (Rimini, 2018; Vud, 2016; Sogrin, 2010). Наконец, в учебниках и иной литературе вы практически не найдете упоминаний о сегрегации и дискриминации по расовому и этническому признаку, в результате которых «цветные» имели право пользоваться общественным транспортом, туалетом, библиотекой — занимая соответствующие места с надписью «for colored people». И это государство — как одна из разновидностей «западной» модели демократии — теперь всех подряд, за небольшим исключением, «учит жизни», позиционируя себя в качестве единственного «примера для подражания» (Zinn, 2020).

⁴⁰ Например, Демокрит, посетивший достаточно много античных государств, в том числе Египет, Вавилон, Иран, Индию и Эфиопию, когда-то констатировал: «Бедность и демократия настолько же предпочтительнее так называемого благополучия [граждан] при царях, насколько свобода лучше

References / Список литературы

- B'yukenen, P. (2016) *Suicide of a superpower*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы / пер. с англ. К.М. Королева. М.: Изд-во АСТ, 2016. 640 с.
- Brodell', F. (2014) *Grammar of civilizations*. 2nd ed. Moscow, Ves' Mir Publ. (in Russian).
Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. 2-е изд. / пер. с фр. Б.А. Ситникова. М.: Весь Мир, 2014. 560 с.
- Dzhenkins, S. (2017) *A Brief History of England*. Translated from the English by I. Melnitskaya. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ. (in Russian).
Дженкинс С. Краткая история Англии / пер. с англ. И. Мельницкой. М.: КоЛибри, Azbuka-Аттикус, 2017. 416 с.
- Fukuyama, F. (2015) *State order: Popular science publication*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Фукуяма Ф. Государственный порядок: научно-популярное издание / пер. с англ. В.Л. Гончарова. М.: АСТ, 2015. 688 с.
- Fukuyama, F. (2017) *The Extinction of the state order: a popular science publication*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание / пер. с англ. К.М. Королева. М.: Изд-во АСТ, 2017. (Политика). 704 с.
- Gudi, D. (2015) *Stealing History*. Moscow, Ves' Mir Publ. (in Russian).
Гуди Д. Похищение истории / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.
- Il'in, I.A. (1998) *The concept of law and force*. Moscow, EKSMO-Press Publ. (in Russian).
Ильин И.А. Понятие права и силы // Путь к очевидности: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 885 с.
- Khantington, S. (2017) *Clash of Civilizations*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. М.: Изд-во АСТ, 2017. (Геополитика). 576 с.
- Khantington, S. (2018) *Who are we? Challenges to American national identity*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. К. Королева. М.: АСТ, 2018. 544 с.

рабства». Цит. по: *Демокрит*. Фрагменты // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: история и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; рук. проекта Г.Ю. Семин и др.; ред.науч. совет: пред. совета Ю.Г. Семин и др. М.: Мысль, 1997. С. 82. В свою очередь Платон, критически рассуждая о политических режимах, в работе «Государство» (Книга первая. «О справедливости как выгоде сильнейшего») отмечал: «...Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия — демократические законы, тирания — тиранические, так же и в остальных случаях». Говоря в книге восьмой о четырех видах *извращенного государственного устройства*, философ далее пишет: «...Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию... Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, утратившись, постепенно отступят... В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это придет тебе в голову..., демократический строй... нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение толпе... Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных...». Цит. по: *Платон*. Государство // Антология мировой политической мысли... Т. 1. С. 86, 100—101.

- Krasheninnikova, N.A. (ed.) (2000) *A textbook on the history of state and law of foreign countries (Novoe i Noveishee vremya)*. Moscow, ZERTsALO Publ. (in Russian).
Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 2000. 496 с.
- Redicker, M. (2021) *The ship of slaves: The History of mankind*. Moscow, Progress Publ.
Редикер М. Корабль рабов: История человечества. М.: Прогресс, 2021. 544 с.
- Rimini, R. (2018) *A brief history of the USA*. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ. (in Russian).
Римини Р. Краткая история США / пер. с англ. О. Александяна. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.
- Sergeitsev, T., Kulikov, D. & Mostovoi, P. (2021). *The ideology of Russian statehood. The continent of Russia*. Saint Petersburg, Piter Publ. (in Russian).
Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2021. 688 с.
- Shirer, U. (2017) *The Rise and Fall of the Third Reich*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / пер. с англ., под ред. О.А. Ржешевского. М.: АСТ, 2017. 1216 с.
- Sogrin, V.V. (2010) *The historical experience of the USA*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
- Vud, G.S. (2016) *The idea of America. Reflections on the birth of the USA*. Moscow, Ves' Mir Publ. (in Russian).
Вуд Г.С. Идея Америки. Размышления о рождении США / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. 432 с.
- Zinn, G. (2020) *The American Empire. From 1492 to the present day*. Moscow, Rodina Publ. (in Russian).
Зинн Г. Американская империя. С 1492 года до наших дней. М.: Родина, 2020. 752 с.

Сведения об авторах:

Еремян Виталий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID ID: 0000-0001-6271-4568
e-mail: v.v.eremyan@yandex.ru

Еремян Эдуард Витальевич — кандидат юридических наук, некоммерческая организация «Фонд современной истории»; Российская Федерация, 123112, г. Москва, Пресненская наб., д. 12
ORCID ID: 0000-0002-0883-2800
e-mail: must.legal@yandex.ru

About the author:

Vitaliy V. Eremyan — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Constitutional Procedure, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation
ORCID ID: 0000-0001-6271-4568
e-mail: v.v.eremyan@yandex.ru

Eduard V. Eremyan — Candidate of Legal Sciences, Non-profit organization «Contemporary History Fund»; 12 Presnenskaya emb., Moscow, 123112, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-0883-2800
e-mail: must.legal@yandex.ru